

— Александр Шестун ведёт себя крайне мужественно в заключении. И в его случае настанет пора справедливости. Таких примеров много. Самый яркий — Нельсон Мандела. Ситуация в России переменится, и Шестун выйдет на свободу.

Валерий СОЛОВЕЙ, политолог

НЕПОКОРНЫЙ

А · Р · Е

от «Кащенко» до Бутырки

Т

С

Часть 2

Н

А

Т

А Л Е К С А Н Д Р Ш Е С Т У Н

Александр Шестун

**Непокорный арестант:
от «Кашценко»
до «Бутырки». Часть 2**

«Издательские решения»

Шестун А.

Непокорный арестант: от «Кашенко» до «Бутырки». Часть 2 /
А. Шестун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986631-8

Перед вами — вторая часть нашумевшей книги. Главная линия — это самая длительная в истории современной России голодовка, которую выдержал в тюрьме Александр Шестун, доведшая его сначала до клинической смерти, а потом до принудительного помещения в психиатрическую больницу №1 г. Москвы — знаменитую «Кашенко». Данный труд — документальное свидетельство о том, что в России реанимирована советская практика борьбы с новыми диссидентами. Книга также содержит обширные воспоминания автора.

ISBN 978-5-44-986631-8

© Шестун А.
© Издательские решения

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	30
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	34
ГЛАВА ПЯТАЯ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Непокорный арестант: от «Кашенко» до «Бутырки» Часть 2

Александр Шестун

© Александр Шестун, 2020

ISBN 978-5-4498-6631-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0050-1994-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕПОКОРНЫЙ АРЕСТАНТ: ОТ «КАЩЕНКО» ДО «БУТЫРКИ»

Часть вторая

Александр ШЕСТУН

Компромат на современность из первых уст. Взгляд сквозь время на прошлое и будущее страны

ВСТУПЛЕНИЕ

Когда 14 июня 2018 года меня арестовали и посадили в тюрьму, с первых же дней я стал писать жалобы, обращения, статьи в газеты. Опыта написания художественных текстов не было, мне и в голову не могло прийти, что впоследствии из этого может получиться книга. Разумеется, я не Лев Толстой, но, имея непосредственное отношение или доступ фактически ко всем крупным разоблачениям в России, могу из первых уст доводить до читателя эксклюзивную информацию об истинных целях и методах войн кланов из правоохранительных органов. Находясь за решёткой, в стенах элитных изоляторов «Лефортово», «Кремлёвский централ», «Матросская Тишина», мне довелось напрямую пообщаться практически со всеми знаменитыми арестантами.

Уже больше года я мотаюсь по тюрьмам Москвы и, прежде чем перейти к событиям второй части, хочу подвести небольшой итог. Всё это время моё положение планомерно и сознательно ухудшалось из-за непрекращающихся разоблачительных публикаций. Мне добавили особо тяжкую статью 290 УК РФ «Взятка», и конфисковали всё имущество. Мало того, изъяли всё у моего окружения, чтобы полностью лишить меня возможности активной защиты.

Но во время каждого переезда я, как верблюд, продолжаю таскать свои документы по делу, а самое главное – рукопись книги, которую у меня всё время норовят изъять или испортить. Писательский труд стал главной отдушиной и ко всему прочему возможностью сказать людям, что меня преследуют по политическим мотивам и моё уголовное дело – фейк. И конечно, я хочу, чтобы общество узнало о нечеловеческих условиях содержания в тюрьмах сотен тысяч граждан нашей страны.

Закончив «Непокорного арестанта», я не думал писать вторую часть. Вроде бы цель достигнута: книга продаётся в центральных магазинах Москвы, на интернет-площадках Ozon.ru, «Читай-город», аудио- и электронная версия в стадии выпуска, издание переводится на английский язык для зарубежных читателей.

Всё так. Однако я не смог прожить без работы и двух дней. Рука по инерции потянулась к ручке и бумаге, тем более что сейчас я могу работать в комфортной, светлой камере с широким столом, а единственный сосед – Алексей Ерунов – читает Библию, не включает телевизор. Правда, моя голодовка настолько длительная, что теперь я могу писать только утром, пока ещё не сводит правую кисть. Например, сегодня, 15 июля, встал в 3 часа 30 минут и занялся письмами, а затем этим текстом. В принципе и раньше основная часть моих записок рождалась ближе к утру, когда кругом тишина, нет истошных криков «Жизнь ворам!», шмонов и допросов, когда свободен стол, за которым днём и вечером постоянно кто-то ест. В «Лефортово», например, стол настолько мал, что даже стандартный лист бумаги не помещается, зато там разрешается держать дневной свет хоть всю ночь, хотя в других СИЗО его отключают с 22:00 до 6:00. Стыдно сказать, но многие тексты для книги я строчил в туалете, где свет горит и после отбоя. Во многих камерах стенки в туалете до потолка – можно рядом примоститься, записывая все события на коленке, подложив папку. Много текстов написано перед судебными заседаниями, неважно, в «стакане» здания суда или в клетках СИЗО на видеоконференцсвязи с представителями Фемиды.

В камере ожидания («стакане») не бывает столов, приходится становиться на колени на пол, писать на нарах, зачастую при очень тусклом свете, ведь там нет окон. Кое-кто пишет, положив папку на колени, но мне грыжи позвоночника не позволяют сидеть крючком. Впрочем, самое безнадёжное – записывать трагичные истории заключённых в автозаках, где свет настолько тусклый, да и трясёт так, что потом подолгу разбираю свои каракули. Но оно того стоит, ведь встречается столько интересных людей со всех централов. Все новости о VIP-заключённых «Лефортово» или «Кремлёвского централа» я записывал именно в автозаке или

камере Басманного суда. В этих бункерах ФСБ ты настолько лишён общения с другими арестантами, встреч с адвокатами, не говоря уже об отсутствии свиданий и даже переписки с родными, что когда видишь тюремных товарищей Диму Михальченко, Костю Пономарёва, Славу Гайзера, Лёшу Чернова, Диму Захарченко, Курбана Кубасаева, Пашу Марушака или Рамзана Цицулаева, то любой грязный автозак становится комфортнее лимузина. Все настолько рады видеть друг друга, что даже «стакан» наполняется теплом и светом наших общих молитв, искреннего смеха, тёплых сочувствий и моральной поддержки. Несмотря на то что поездки в суд опустошают тебя физически, ради этого ощущения тюремного братства можно перенести все лишения.

Я очень переживал, как воспримут книгу читатели, будет ли она интересна. Когда пошло много отзывов от ярких, интересных людей, я был на седьмом небе от счастья. «Непокорный арестант» очень понравился главе СПЧ Михаилу Федотову и его жене. Сопредседатель Московской Хельсинкской группы Валерий Борщёв дал свою оценку: «Эта книга – чрезвычайно важное событие, она должна быть распространена как можно больше, о ней надо как можно громче говорить. Дело Шестуна – это не частное дело, это вопрос о том, как действует власть и чем платит человек, пожелавший остаться независимым, который имеет свои принципы, свои понятия и их отстаивает».

Для оплаты типографии Юле пришлось продать многие вещи из дома, включая её скромные украшения и одежду. Семья продолжает поддерживать меня как никогда. Я сознательно выбрал для себя сложный путь поиска правды по своему уголовному делу, доказавший свою неэффективность в условиях нынешней гнилой судебной системы и следствия. Простой путь – признать вину и дать показания на кого-нибудь, заключив досудебное соглашение – при всей его простоте и привлекательности неприемлем для меня. Лучше смерть, чем такой позорный поступок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ СНЫ ИЗ ПРОШЛОГО

Моя фамилия особых неудобств мне никогда не приносила, но в первые годы жизни это сочетание из шести букв – «Шестун» – казалось совершенно непроизносимым. Я старательно надувал щёки и вытягивал губы, а правильно выговорить всё равно не мог: получалось что-то среднее между Фтун и Стун.

А между тем происхождение нашей фамилии самое простое – запорожское. Вполне вероятно, что какой-нибудь мой предок ходил под началом Богдана Хмельницкого против Мазепы, или наоборот, точно неизвестно. Подробную семейную летопись мы стали вести только с начала девятнадцатого века. И первое документальное упоминание обо мне как о носителе фамилии Шестун содержится в дневнике моего отца: «2 ноября 1964 года. Зарегистрировал сына... Вес Саши 4 кг 350 гр...» Дальнейшие письменные свидетельства столь же лаконичны. Так что большинство эпизодов из раннего детства мне известны только по рассказам.

Зловредная буква «ша» мешала не только в фамилии. Она вообще давалась мне с трудом. Чтобы долго не мучиться, я чаще всего заменял её другими согласными. Однажды, вернувшись с прогулки, долго-долго бормотал:

– Мальчиф-Кибальчиф, Мальчиф-Кибальчиф, Мальчиф-Кибальчиф...

Моя тётя не вытерпела и потребовала:

– Чего мямлишь? Говори внятно!

Я посмотрел на неё исподлобья и изрёк:

– А ты – штрафная...

Не врал даже в детстве, но от излишней впечатлительности мог стусить краски. В одну из своих поездок в Ленинград мама определила нас с братом по бабушкам: Игоря – бабушке Зине, меня – бабушке Лиде. Для пущей эффективности воспитательного процесса бабушка Лида вбила в косяк двери гвоздь, а на гвоздь повесила ремень. Не для битья – для остратки. Однако одна мысль о том, что этим страшным ремнём меня могут высечь, приводила в ужас. И вот приходит как-то Игорь со «своей» бабушкой в гости к «моей». А бабушка Зина, угостив меня конфетами, спрашивает:

– Как тебе, Саша, тут живётся?

– Плохо.

– А чего плохо-то? Бьют?

– Бьют...

– А чем бьют? – допрос продолжался.

– Ременем, – отвечаю. – А ещё и ругается!

– А как ругается? – задаёт коварный вопрос бабушка, рассчитывая услышать что-нибудь пикантное.

– Как, как... Рóтом, конечно!

Понятно, что ни бабушку Зину, ни бабушку Лиду мой рассказ не порадовал. А через несколько дней вернулась из Ленинграда мама. Я вцепился в её плащ и ни за что не хотел отпускать – боялся, что она исчезнет, а я опять останусь один на один со страшным «ременем» на гвозде.

Что помню я сам? К сожалению, не так много. Сохранились в памяти наши семейные поездки на Чёрное море. В Гантиади. Мне там очень нравилось. В Серпухове я часто к месту и не к месту важно вставлял в разговор:

– А вот у нас в Гантиади...

...Помню двор – мы жили в старой пятиэтажке за магазином «Спартак». Помню нашу квартиру. Помню себя и брата в гостях у бабушки Лиды. Во дворе её дома после дождей образовывалась огромная лужа, и мы, не обращая внимания на промокшие сандалии, пускали в «большое» плавание щепочные корабли.

Помню детский сад «Сказка». Одно из первых огорчений связано именно с ним. Мы собирали всей группой грибы, находим – отдаём воспитательнице, она осматривает и одобряет или, наоборот, бракует и благословляет на новые подвиги. Затем всё повторяется. К концу прогулки в моей рубашке лежали два здоровенных белых и десятка два лисичек! Я победно топал по прелой листве и представлял себе удивлённо-радостное лицо мамы. Чувствовал себя кормильцем и добытчиком. Но грибы мне не отдали. Совсем. И моё горе по этому поводу было совершенно неподдельным. Когда через несколько лет мы собирали грибы в пионерском лагере, помня прошлый урок, я находки уже никому не отдавал.

Впрочем, детсадовским воспитателям, думаю, запомнились вовсе не грибы, а моё стремление всегда и во всём отстаивать своё мнение. Если меня наказывали (как правило, выдворением на веранду), я устраивал страшный скандал и неизменно восклицал: «Не имеете права!»

* * *

Когда мне исполнилось семь, наша семья смогла перебраться из однокомнатной хрущёвки в трёхкомнатную. Этот факт, впрочем, совершенно не отражал нашего благосостояния. Мы считались бедными. Сто пятьдесят рублей – именно столько приносили ежемесячно мои родители. Известный анекдот про Вовочку, которого учительница сочувственно гладит по голове, услышав о профессии его отца (инженер), был правдив на все сто. Об инженерах в Советском Союзе снимали фильмы и писали книги, но уважением населения пользовались совсем другие профессии.

Ведь что считалось признаком богатства в то время? Ковры, хрусталь, машина, гараж. Дача – вообще предел мечтаний. Разве мог скромный инженер всё это заработать? По большей части нет. Да что там ковры и хрусталь! Для нас праздником было появление на столе колбасы.

И всё же, несмотря на бедность, всей семьёй ездили отдыхать на юг. Мы с Игорем учились в музыкальной школе, что тоже было недёшево. Такое «неразумное» распределение семейного бюджета вызывало раздражение у многих наших соседей. «Мы вам, как Шестунам, жить не позволим!» – говорили они своим детям.

Дорогими игрушками нас с братом не баловали, развлечения мы изобретали сами. Больше всего мне нравились командные игры. Вроде казаков-разбойников, красных и белых. А ещё резались в карты. Однажды я крупно продулся. Просить у родителей и в мыслях не было. Что делать? Выход нашёлся довольно быстро: стояло лето, а в лесу полным-полно земляники. Просто вставал рано утром и уходил на целый день в лес. Вот только торговать ягодами не мог. Отдавал торговкам за полцены. Впрочем, проигрывал я крайне редко. И не только в карты. Помню, как в пионерском лагере мне удалось сыграть вничью партию в шашки с гроссмейстером – чемпионом РСФСР.

Много времени проводил за чтением. Чего не обнаруживал на домашних полках, находил у бабушки с дедушкой. Самые любимые книги зачитывал до дыр. Очень выручала городская библиотека. Нас с Игорем там знали. А я знал наизусть названия почти всех книг, которые стояли на полках. Помнил даже их расположение. Если, например, «Волшебника Изумрудного города» не давали на дом, я оставался в читальном зале. Игорь где-то узнал, что образованный человек должен читать не менее ста страниц в день. Нас это немного удивило – мы-то читали намного больше.

Книги определили детскую страсть к кладам и приключениям. Груды золота так и не нашёл, но кое-чем могу похвастаться. Как-то возле старых купеческих развалин я отко-

пал две золотые монеты. А однажды, когда был в санатории в деревне Райсемёновское, мы с мальчишками нашли под корнями поваленной сосны обломок старинной сабли. Глазам своим не поверили! Эфес украшали самоцветы. находку отдали воспитательнице, а уж куда она её дела – неизвестно.

С санаторием у меня связано одно не совсем приятное воспоминание. Я был наказан. На мой взгляд, несправедливо. Отреагировал вполне своеобразно – собрал вещи, убежал на реку. Построил себе шалаш и собирался там жить. Поднялся страшный переполох. Меня искали и, разумеется, нашли. Так что на новом месте ночевать не пришлось.

Книжные истории о приключениях и путешествиях будоражили наше с Игорем воображение, мы просто бредили дальними странами. Часами могли изучать географические карты, атласы, обсуждать достоинства и недостатки какой-нибудь экспедиции. По географии я мог заткнуть за пояс любого. Но только не брата. Он не просто запоминал карты – фотографировал. Раз посмотрит, и готово. Мне кажется, Игорь и сейчас помнит наизусть названия и местонахождение всех городов Земли.

Мы часто ездили куда-нибудь с родителями, но о путешествиях за границу тогда и речи не было. И поэтому, уже повзрослев, в поездках я всегда с неподдельным интересом изучал уклад жизни, обычаи, язык... Традиционного вояжа по музеям всегда не хватало. Гораздо больше давало живое общение. Интересовало всё, что связано с историей возникновения и развития национальностей народов мира, а также религий, ими исповедуемых. Например, когда был в Малайзии, попросил шофёра-индуса показать мне его жильё. Тот удивился просьбе, но был, пожалуй, доволен. Я же с любопытством осматривал не очень богатый дом, познакомился с его бесчисленными детьми и женой.

Но самой интересной казалась мне история Кавказа. Я прочёл множество научно-популярной и художественной литературы, хоть сколько-нибудь её касающейся. Наглядный результат моих познаний удивлял многих. Я мог почти без усилий по некоторым характерным признакам внешности и поведения определить национальность любого кавказца.

Я благодарен родителям – они сумели очень многому нас с Игорем научить. Правда, в детстве я далеко не все их идеи воспринимал с энтузиазмом. Музыкальную школу, например, считал, скорее, повинностью, чем удовольствием. Последний музыкальный экзамен стал днём моего освобождения. Я с облегчением забросил баян подальше и много лет не брал инструмент в руки. Потом, гораздо позже, это образование всё же пригодилось – в ПТУ и в институте я довольно активно участвовал в самодеятельности, играл на гитаре. Был у нас в вузе ансамбль гитаристов «Гаудеамус», мы нередко занимали на конкурсах первые места, ездили даже с концертами в другие города.

Единственное, чем отец сумел-таки меня увлечь, – это фотография. Первые снимки я делал его стареньким «ФЭДом». Потом у меня появился «Зенит». Я накопил реактивов и множество книг по фотосъёмке, делал работы для фотовыставок. Красная лампа, запах проявителя, проступающие на бумаге черты будущего портрета – я был увлечён всем этим всерьёз...

* * *

В нашем с Игорем детстве между отдельными районами Серпухова шла неприкрытая война. И, как на любой войне, возникали коалиции. Было время, например, когда ребята с улицы Чернышевского заключили дружественный союз с теми, кто жил на Советской. При этом они задирали всех остальных.

Я учился в шестой школе и по территории относился вроде бы к Заборской группировке. Игорь со своей первой школой стопроцентно оказывался в группе «советских». Вместе с тем наш дом располагался таким образом, что мы могли считаться и теми и другими. Я довольно равнодушно относился ко всему этому ажиотажу, мне было абсолютно наплевать и на Коня –

короля Заборской группировки, и на Пентагона – короля «советских». Однако равнодушие равнодушием, а по шее схлопотать можно было вполне реально, если ты ненароком попадал в чужой район в одиночку. Бывало, собирались толпы подростков, человек по 20—30, и патрулировали свою территорию. И плохо приходилось тогда «чужакам», если они попадались им на пути. Правда, до откровенного смертоубийства дело доходило редко. Чаще всё заканчивалось отборной руганью или беготнёй друг за другом по кварталам.

Обычное занятие подростков того времени – отнимать деньги. Разумеется, у тех, кто младше и слабее. Особенно из других районов. Жертвы почти не сопротивлялись: чего зря на затрещины нарываться? Я же денег никому и никогда не отдавал, независимо от количества нападавших и их «вооружения». Либо убегал, если силы были неравны, либо сопротивлялся. Были моменты, когда меня буквально брали за ноги и вытряхивали всё, что звенело в карманах. Тогда я хватал первую попавшуюся в руки тяжёлую вещь и шёл в атаку. Для меня было принципиально важно не подчиниться вымогателям, и со мной предпочитали не связываться – себе дороже. Стремление защитить себя во что бы то ни стало я сохранил на всю жизнь.

Родственников и знакомых всегда удивляла разница между мной и Игорем. Казалось бы, родные братья, но и внешностью, и характером мы абсолютно не похожи. Я – смуглый и черно-волосый, Игорь – белокожий блондин. Меня с детства очень трудно было провести, Игорь же, наоборот, всегда был открыт и наивен. Я порой не понимал, как он выживает в этом жестоком мире. Помню один весьма показательный случай из детства.

Мне восемь лет. Игорю, соответственно, на два года больше. Приближался Новый год. Совсем незаметно подступило 30 декабря. Под конец дня мы вдруг с ужасом обнаружили, что совсем забыли про ёлку. Что делать? А в то время купить хорошую ёлку, да ещё под самый Новый год – почти невыполнимое предприятие. Но всё же пошли искать. «Поисковая группа» – я, мама и Игорь. У нас с братом к тому времени лежало в кармане по два металлических рубля, подаренных родственниками. И нашли-таки первосортную ёлку у магазина «Колосок». Мужик при этом озирался, переминался – в общем, торопился сбыть товар. Мама начала торг:

– Сколько ёлка стоит?

– Четыре рубля.

– А у меня только два...

Я понимал, это часть игры. Таковы правила торга. Просто нужно сбить цену. Поэтому был глух и нем. Но за Игоря поручиться не мог. Только об этом подумал, как брат радостно выпалил:

– Мама, мама! У нас же есть деньги!

Я тогда был страшно раздосадован. Ну какой же ты, думаю! Ведь старше меня на целых три класса! Ну что тебе стоило промолчать?..

* * *

Сколько себя помню, всегда ходил в какие-то кружки и секции. Причём посещал по два-три кружка одновременно. Народные танцы, бальные танцы, выжигание, волейбол, баскетбол, борьба, бокс, акробатика, юношеский пожарный отряд, лыжи – всего и не перечислишь. Где-то задерживался дольше, где-то меньше.

Танцы, например, меня не устроили, поскольку на каждое занятие нам строго предписывалось носить белые гольфы. Я считал это ужасно нелепым и раздражающим. Спорт любил, но «лошадиные» виды, такие как бег, лыжи, мало нравились. Длинные ноги и амбиции, конечно, обеспечивали мне победу, но не хотелось этим заниматься и всё тут. К боксу и различным видам борьбы интерес исчез тоже довольно быстро, буквально сразу после того, как я свернул нос своему спарринг-партнёру на тренировке. В мордобое я не находил ничего интересного. Меня влекли игровые виды спорта.

Довольно долго занимался волейболом на стадионе «Труд». Потом, когда секцию закрыли за «неперспективностью», ушёл в баскетбол. «Доигрался» до городской сборной. Но баскетбольную секцию тоже закрыли.

Азы хоккея постигал во дворе. Воротами чаще всего служили ящики из-под продуктов. Разумеется, я не любил стоять на воротах. То ли дело шум битвы! Азарт настолько захлёстывал, что частенько дело кончалось потасовкой. Тайная и неисполнимая мечта того времени – хорошая импортная клюшка «Коха». Или «Титан». Слегка выгнутая, как и положено у профессионалов. Я играл прямой самодельной «деревяшкой», тем не менее успешно конкурировал с «упакованными» игроками. И если кто-то набирал для игры команду, меня старались заполучить к себе одним из первых.

Боялся быть слабым, поэтому почти каждый день после школы поднимал гири. Занимался по собственному графику. И хотя был очень худеньким, число подъемов 16-килограммовки довёл до семидесяти. Соответственно, кулаки имел довольно крепкие. Я всегда следил за своей формой, играл с друзьями в волейбол, теннис. Оборудовал у себя в доме небольшой спортивный зал и каждый день минимум час выделял на занятия.

В школьные годы мои отношения с противоположным полом особой романтичностью не отличались. Имидж отъявленного хулигана вызывал дрожь негодования у всех примерных девочек. В седьмом классе на меня даже составили коллективную «женскую» жалобу. Девочки нашего класса – директору школы. После краткого описания моих злодеяний они в категорической форме требовали исключения Шестуна из славных рядов 7 «А».

Однако не всем я внушал такие отрицательные эмоции. Другие, не столь закомплексованные одноклассницы, смотрели на меня с гораздо большим интересом. Училась у нас в классе одна весьма привлекательная девочка Ира. В четырнадцать у неё была довольно хорошо развитая фигура, которой Ира очень гордилась. Мальчики бросали на неё красноречивые взгляды, а Ира бросала взгляды на меня. Возможно, я напоминал ей героя какого-нибудь боевика. Или индийской мелодрамы. В общем, не это главное. Просто однажды Ирочка пригласила меня в гости. В квартиру без родителей... Со всеми вытекающими последствиями. Если бы в это же самое время к ней не заявила с воспитательными целями группа «праведниц» из нашего класса, мы могли бы провести время очень и очень увлекательно.

Как ни печально, но случай с Ирой был для меня скорее нормой, чем исключением. Её суперсовременные упрощённые взгляды на отношения полов вполне соответствовали моему реноме. Робкие взгляды на перемене, записки, прогулки за ручку, ношение портфеля... Да если бы я хоть раз выкинул нечто подобное, моей репутации пришёл бы конец. Так что первая любовь в школьные годы благополучно обошла меня стороной.

* * *

Рыбалкой меня заразил дед. Я мог, по рассказам матери, стоять с удочкой с утра до ночи. И в школьные годы, и в армии лучшее, что у меня было, так это именно рыбалка. Я серьёзно к этому процессу готовился – выписывал альманах «Рыболов-спортсмен» и внимательно читал о способах прикормки, ловли. И где бы я в те годы ни путешествовал, это занятие затмевало для меня всё остальное. Отец несколько раз брал меня в поездки, и я терпеливо ходил с ним по музеям и театрам. Однако интересовало меня, в общем-то, только одно – где достать удочки и каков клёв?

Ездили мы в Волгоградскую область, на родину деда, в гости к его старшему брату Леонтию Ивановичу Шестуну. В первый же вечер я пошёл с удочками на реку.

– Да что ты, отдохни с дороги! – всполошился Леонтий Иванович.

– Не-е-ет, – говорю. – Пойдём на реку. Там и отдохну.

Река у них была особенная. Временами её русло терялось в подземных пещерах, а на поверхности образовывались омуты. Около нашего хутора было два таких озера: Чёрная Яма и Красная Яма. Самой глубокой считалась Чёрная Яма. Сорок метров – не шутка.

Отдохнул я действительно знатно. Наловил больше десятка крупных окуней. А под занавес – я уж уходить собирался – удочка дёрнулась и согнулась в крутую дугу. Мне даже страшно стало. Вокруг – никого. Помочь некому. Кое-как вытащил. Оказалось, черепаха. Я долго сидел около неё и не решался выдернуть крючок. Потом всё-таки отпустил.

Очень много водилось в этих ямах, Чёрной и Красной, щук. За одно только утро можно было поймать не менее пяти хищниц. Увлекало это меня чрезвычайно. Вообще ловля на блесну – очень зрелищное занятие. Представьте, «бежит» на дне блестящий кусочек металла, и вдруг из-под берега стремительно выплывает серая тень и хватает наживку. Всё, щука попалась!

Что меня там мучило, так это жара. Сорок градусов в тени, пятьдесят – на солнце, и так каждый день. Я кое-как доживал до вечера. Леонтий Иванович моих страданий не понимал и периодически нагружал работой. Например, просил напилить дров.

– Ну, Саша, ну шо ты такой вялый? – неодобрительно выговаривал он, глядя на мои полубморочные движения.

Саша жару переживал в саду. Садился под деревьями, ставил перед собой ведро с абрикосами и читал всё, что под руку в доме попадалось. Попадались в основном какие-то колхозные новеллы. Про любовь, коров и светлое социалистическое будущее. Примитивность написанного я понимал даже в десять лет, но других книг не было. Я же без чтения не мог.

Леса там тоже не было. Вообще. Только степь и лесополосы из абрикосовых деревьев. Причём этими дикими абрикосами питались в основном свиньи. Совхоз, где мы жили, кормился разведением овец. Отары бродили по степи огромнейшие. Пыльная степь, ковыли, блеяние овец – всё это неразрывно связано у меня с поездкой в Волгоградскую область.

Поражала разница между русской, чеченской и немецкой частями станицы. У немцев чистота почти стерильная, дома аккуратные. У чеченцев порядка поменьше, дома побольше, побогаче. У русских самые простые дома.

Повезли меня однажды на озеро. Местные там рыбу прикармливали зерном. Привезут несколько грузовиков и сыпают в воду. Подошёл я к рыбакам-сверстникам. Посмотреть, чего поймали. Улов не впечатлил, всего несколько маленьких рыбёшек. Неподальёку взрослые мужики удили сазана на донку. Заманчиво, конечно, но донки-то у меня нет. Удочка и та самодельная, из палки. Что делать? Обратился к Леонтию Ивановичу. Попросил чего-нибудь на прикорм.

– Прикорм? Да вот макухи возьми. Уж несколько лет даром лежит.

Взял я гнилой макухи – и снова на озеро. Отошёл подальше ото всех и насыпал в воду «угощение». А в этом озере у самого берега торчали сухие былья. Смотрю и глазам не верю: в воздухе ни ветерка, а остья колышутся. Неужели, думаю, рыба? Присмотрелся – точно, рыба. И как начал таскать краснопёрки да сазанчиков одного за одним! Да не мальков, а здоровых взрослых рыбин. До конца дня набрал около семидесяти штук. Два раза клевал настолько здоровый сазан, что я не мог с ним справиться, он просто утаскивал меня в воду.

Рыбы мы в тот год в Серпухов привезли несколько мешков. Долго-долго потом лакомились таранкой. Там же, в Волгоградской области, я впервые увидел, как ловят (и сам ловил) раков. Попросил у Леонтия Ивановича занавеску, натянул тюль на кольцо, привязал приманку – раколовка готова. Вытаскивал буквально по ведру, которое мы с отцом тут же и съедали. А Леонтий Иванович смотрел на нас и говорил:

– Тьфу! Да как вы это гомно едите! Они ж мёртвых жрут...

А ещё в то лето я научился плавать. Произошло это на Чёрной Яме. Отец отплывал на несколько метров от берега и звал меня. Я изо всех сил колотил руками по воде, а потом,

доплыв, судорожно цеплялся за него. Тогда он снова отплывал, но уже подальше, чем в первый раз. И вновь я добирался до него. Постепенно место нашей встречи переместилось на середину Чёрной Ямы. Когда я, задыхаясь, поравнялся, отец сказал:

– Ну, что, поплыли на тот берег? Теперь-то уж всё равно, что назад, что вперёд...

И с тех пор мой страх перед большой водой куда-то исчез. Наверное, остался на дне того станичного омута...

Начиная с седьмого класса стали мы с друзьями ездить на Оку с ночёвкой. Выезжали и на две ночи, и на три. А в старших классах могли месяцами не уходить с реки. Жили в палатках, ели консервированные супы. Особым деликатесом считался суп из кильки в томатном соусе. Строили шалаши, выкапывали погреба для хранения продуктов, делали импровизированную кухню, туалет – в общем, развивали бурную хозяйственную деятельность. И так целыми днями. Время от времени совершали вылазки в город. Закупали продукты, и опять на Оку. Возможность сделать что-то своими руками приводила меня в восторг. Была у нас мечта – съездить на Селигер. Увидел я как-то в одном журнале фотографии озера, прочёл скупой текст о нём и восхитился. Тут же нарисовал в воображении прекрасные картины нашего возможного отдыха. Да что там, я даже составил список необходимых вещей... К сожалению, нашей компании съездить на Селигер так и не удалось.

* * *

Мне часто снятся картинки из прошлой жизни. Яркие сны и воспоминания – тоненькие ниточки, связывающие сегодняшнюю реальность с миром по другую сторону решётки. Я открываю глаза и понимаю, что нахожусь в феврале 2019-го. Проснувшись, я ещё несколько минут сижу на краю нар, слыша всплески Оки и голоса из детства, не могу прийти в себя, осознать перемещение в действительность.

При сумасшедшем ритме жизни я всегда старался её упорядочить и терпеть не мог, когда сбивался дневной график, в котором всё было расписано по минутам. Моя жизнь выглядела как строгая бухгалтерская отчётность, в которой всему своё место и время. И выдерживать такой темп мне помогало правильное начало дня. У меня был свой особый ритуал.

В шесть утра звенел будильник, но я просыпался сам минут за двадцать до этого. Состояние легчайшее, как будто я невесомый и парю где-то в облаках. У меня ничего не болит, я не хочу есть, не хочу пить, никто не отвлекает от мыслей. Тело обнажено, свободно от всего. Я садился на кровати, спустив ноги на пол, чтобы ощущать ворс тканого непальского коврика под ступнями. Я мысленно благодарил Бога за то, что я проснулся здоровый, за то, что у меня и моих близких всё хорошо. Рядом спала жена, внизу сопели дети. За эти двадцать минут nirваны я прокручивал в голове предыдущие сутки, оценивал их, строил планы на предстоящий день. Я сидел свободный от всего – от звонков, разговоров, обязательств. Тишина. Даже неприятные мысли не так тяжелы, как вечером. Я сидел с закрытыми глазами и почти дремал. Потом вставал, выпивал большой стакан воды с мёдом и лимоном. Затем спускался в спортзал и, щадя позвоночник, сорванный стройотрядами, закачивал мышцы пресса и спины.

Я и сейчас встаю раньше подъёма, так же сижу по 20 минут на краю кровати, если не обессилен голодовкой, когда сидеть в принципе невозможно. Думаю, вспоминаю, анализирую. Понимаю, что мои бедные соседи Дима и Саша страдают из-за меня. Стоит мне только зайти ночью в туалет – через минуту голос в матюгальник: «Почему так долго?» Плюс постоянные обыски, изъятие бритвенных станков. Чуть что, если со мной разборка очередная – их сразу выводят из камеры, да надолго. Мне, конечно, неудобно перед ними, но и повлиять на ситуацию никак не могу...

Я сижу на краю и ловлю себя на мысли, что впервые за всю историю своего существования мне совершенно не жалко расставаться с жизнью. На днях, 25 февраля, начальник СИЗО

99/1 Антон Подрез сделал мне очередной выговор и назначил наказание карцером, а я даже перестал не то что оспаривать их в суде, но даже записывать: уже сбился со счёта, сколько их. Может быть, 15 или 20. Какая разница...

В то же время если я умру в результате голодовки, то по иску Генпрокуратуры, через полгода, когда дети вступят в наследство, они всё равно лишатся имущества, как все мои родственники и несчастные предприниматели, проходящие по делу. Всё, подъём.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Весна в «матроске»

В первый день весны к нам в камеру пришли члены ОНК. Из троих я узнал только одного, самого медийного – Пашу Пятницкого, участника всех шоу на центральных телеканалах, друга моего знакомого сенатора от Брянской области, члена ЛДПР Михаила Марченко. Заместителя ОНК г. Москвы Михалевича Владимира Владимировича я видел впервые. Судя по военной выправке, он бывший прокурор или полицейский, да и манера разговора явно не как у правозащитника. Третий, невзрачного вида невысокий мужчина лет пятидесяти, вообще не проронил ни слова. Я спросил:

– Как ваша фамилия?

– Кутуев Константин Львович, – потупив глаза в пол, пробурчал неприметный член ОНК. Слушать они ничего не захотели. Зачем приходили?..

Чуть позже Паша Пятницкий вляпается в очередную историю: известный правозащитник устроит стрельбу в центре столицы, учинив конфликт в кальянной в районе станции метро «Цветной бульвар». Правда, выпустит он всю обойму из своего травматического пистолета на улице, возле собственного автомобиля. Председатель ОНК г. Москвы Вадим Горшенин заступаться за Пятницкого не станет, а, наоборот, возмутится, что на вопрос о месте работы Павел покажет мандат и ответит, мол, общественная наблюдательная комиссия.

В этот вечер я начал читать книгу известного диссидента 70—80-х годов Александра Подрабинека. Увлёкся настолько, что засиделся до полуночи. Впоследствии я связался с автором и высказал уважение за перенесённые испытания и прекрасную книгу. Он тоже передавал мне привет.

3 марта поздно вечером ко мне пришла Татьяна Москалькова, уполномоченный по правам человека при президенте РФ. Ей надо было улетать в Швейцарию, выступать в ООН, однако, беспокоясь за мою судьбу, она решила навестить меня перед аэропортом. Видимо, Юля убедила её попытаться уговорить меня сойти с голодовки.

Разговор происходил в кабинете у Подреза. Татьяна Николаевна попросила Антона Станиславовича налить мне чая, но он ни в какую не хотел улаживать арестанта, тем более из своих рук. На правах старшего по званию Москалькова, в прошлом генерал МВД, передала мне чай, который полковник Подрез налил ей, а его стакан забрала себе. Мало того, несмотря на возражения Подреза, попросила оставить нас в кабинете наедине.

– Не могу, Татьяна Николаевна! Не положено! – пытался отбиться начальник СИЗО.

Однако Москалькова заставила его выйти за дверь, и Подрез покинул собственный кабинет с надутыми губами, явно обиженный.

Татьяна Николаевна очень долго просила меня пожалеть жену Юлю, подумать о своём здоровье. Мне было, конечно, очень неудобно отказывать ей, но других вариантов я не видел. Мне очень стыдно, что пришлось разочаровывать эту занятую, уставшую женщину, но я ответил категорическим отказом прекращать голодовку. На том и расстались.

На следующий день я полностью отказался от медицинской помощи. Ко мне опять хотели применить силу, но я-то хорошо знал: уж от лечения я вправе отказаться.

* * *

5 марта поехал на очередное заседание в Басманный суд по жалобе адвоката. Взял по инерции все свои записи, был сильно удивлён, что у меня их не отбирают. Это было похоже на сказку. Тюремщики даже не заглядывали в мои папки. Но всё оказалось очень просто:

с этого дня мне стали давать индивидуальный конвой с индивидуальной машиной. Мало того, конвоиры даже в здании суда находились со мной, сопровождали до зала и стояли прямо возле клетки. Теперь передача любых документов полностью исключена. Вот ведь как они боятся моих публикаций: даже готовы жертвовать индивидуальный конвой и автозак, несмотря на то что все арестанты ездят в переполненных машинах, буквально друг у друга на головах. Мало того, из-за нехватки транспорта и персонала МВД доставка меня назад в тюрьму происходит глубокой ночью, чтобы к этому времени развезти всех остальных заключённых по разным изоляторам.

В камере ожидания, «стакане» Басманного суда, было очень жарко, не хватало воздуха, и после нескольких часов нахождения там я вызвал скорую помощь. В этот момент меня решили вести в зал заседаний, вверх, по очень крутым ступенькам, что во время голодовки особенно тяжело даётся. Едва я с трудом и пятью передышками наконец дошёл до зала, на третий этаж, как меня опять потребовали назад, из-за приезда скорой. Я попросил провести заседание без меня. Всё равно уже видел Владу и Юлю, заодно продемонстрировал им свою хужобу, чтобы никто не сомневался, что я голодаю по-честному.

Личная охрана на индивидуальном «лимузине» довезла меня до «Кремлёвского центра» за 20 минут, но там были такие же крутые ступеньки, как в Басманном суде, только моя камера располагалась на пятом этаже. Я честно предупредил, что буду идти на эту Голгофу не менее 40—50 минут. Проблема заключалась в том, что в «Кремлёвском центре» никто из заключённых не должен был меня видеть, как в «Лефортово», а это здесь единственный спуск и подъём, поэтому шестеро тюремщиков положили меня на носилки и с довольными лицами понесли наверх. По дороге они много шутили, по-доброму, отчего я почувствовал какую-то новую директиву в отношении меня, скорее всего после вчерашнего прихода Татьяны Москальковой. И точно. Явился счастливый дежурный майор и, не скрывая своего ликования, сказал ключевую фразу:

– Шестун! С вещами на выход!

Родовались этому все. Непонятно, кто больше: я, коллектив СИЗО 99/1 или мои соседи, давно мечтавшие о переводе меня в больницу? Как и в «Лефортово», я уже не один раз слышал избитую фразу, что такого непокорного арестанта у них ещё не было, хотя пробыл я здесь наименьший срок за свою тюремную одиссею: всего лишь месяц, а средний срок пребывания составлял минимум 40 дней.

Воодушевлённые сотрудники изолятора быстренько нашли мне лучшие сумки, хотя я мог бы постараться вместить весь свой багаж в личные баулы, положили меня на носилки и вприпрыжку понесли, хотя я несколько раз сказал, что вниз спускаюсь легко. Ничего не проверяли, жали мне руки, а некоторые даже обнимали. Интрига была только в одном: куда меня повезут? По закону не положено говорить о новом месте пребывания, и поэтому с Димой и Сашей я гадал, куда же отправят. У нас было два основных варианта и пара второстепенных. Дима настаивал на больнице «Матросской Тишины», я – на «Кошкином доме» (психиатрическая больница в Бутырской тюрьме). Саша поддерживал мой вариант, хотя не исключал другие изоляторы, в первую очередь «Лефортово».

Сцена прощания опять напомнила мне известный сюжет «Ералаша» о проводах хулигана в другую школу – «Прощай, Вася!».

Прагматичный банкир Дима Меркулов оказался прав. Меня привезли опять в больницу «Матросской Тишины», мало того, в ту же 726-ю камеру с розовыми стенами. На входе встречал оперативник Сергей Ершов с грустным лицом. Он явно надеялся отправить меня в «Кремлёвский центр» без возможности увидеть вновь. Из этого бункера ФСБ мало кто возвращался, да ещё так быстро. Кстати, впоследствии оперативник переведётся туда на работу.

– Вы бросаете свою голодовку в больнице? – спросил Ершов.

– Конечно нет! – жёстко ответил я.

– Тогда мне придётся поселить вас одного в камере.

– Я готов.

После некоторой паузы Сергей, естественно, передумал, ведь у меня три полоски в деле: склонен к побегу, суициду и членовредительству.

Когда я зашёл в 726-ю, то с удивлением увидел там Андрея Сергеева, моего соседа по 6-му спецу, и 50-летнего Бориса Фомина, директора компании, которая взяла кредит в «Промсвязьбанке» – банке Сергея Лалакина (Лучка) – более миллиарда рублей и не вернула.

Несмотря на то что Боря всех сдал и заключил досудебное соглашение, Подольский суд дал ему шесть лет лишения свободы по статьям 159 и 160 УК РФ. Что неудивительно, ведь Лучок в Подольске контролирует не только мэра, но и все правоохранительные органы, поэтому Фомин всячески старался избежать судебных разбирательств именно в этом городе. Борис не являлся учредителем фирмы, а просто был наёмным директором, тем не менее регулярно встречался с сыном Лалакина – Максимом, а иногда и с самим Лучком. Разумеется, невозврат кредита был согласован подольскими, поэтому Борю не спасла даже досудебка. Зная связи Лалакина, уверен, Фомину будет сложно выжить на зоне, хотя времена меняются.

Вечером 5 марта, когда Сергей Ершов принимал меня из СИЗО 99/1 в больницу, он не стал составлять перечень моих вещей, которых было много, хотя я настаивал. Просил отдать их в камеру, но мне оставили одну большую сумку с символикой команды по мотокроссу «Красные крылья», базирующейся в Серпуховском районе, всё остальное куда-то унесли. Два дня я разбирался, где мои вещи, написал много жалоб. В конце концов меня отвели в соседнюю 728-ю камеру, где лежал весь мой скарб, сваленный в кучу. После поверхностной проверки стало ясно, что многие вещи пропали, и я, конечно, написал множество жалоб о краже.

Кстати, когда я вошел в 726-ю, то Андрей Сергеев не очень ласково встретил меня. Конечно, он улыбался, обнял, но я почувствовал изменение отношения к себе и впоследствии ненавязчиво выяснил причину охлаждения. Оказывается, когда в начале голодовки Ершов отселил их от меня в 727-ю, то, оставшись вдвоём, по традиции треугольника они с другим соседом Игорем тут же начали выискивать негативные стороны во мне, тем более что в этот костёр подбросил дровишек Ершов и сидевший с ними позже серийный киллер из команды Джако – осетин Инал. А до этого, после недельной отсидки в 727-й, Андрей и Игорь встретили лефортовского арестанта Соколова Сергея Юрьевича, сидящего по статье 222 УК РФ. Ему примерно 65 лет, он весьма политизирован, пишет книгу об Америке и прогнившей политической системе России. Рассказывал, что его били кулаком в пах. Соколов утверждал, будто знает, что Шестун сдал всех своих, поэтому его убрали из «Лефортово». Якобы я надеялся, что после этого выпустят под домашний арест, а раз не вышел, то начал делать публикации против ФСБ. Заявлял, что знает Путина и Медведева, что семья его живёт в Америке, что знаком с лидерами и всей элитой США. Якобы он позвонил одному из политических лидеров Америки, и после этого с котловой хаты забрали все три телефона. Общался с ворами в законе.

Через неделю Андрея и Игоря забрали в 729-ю к Иналу, и с ним они просидели ещё полмесяца втроём. Потом Сергей Соколов переехал в 713-ю и сидел там с Борисом Фоминым, затем его выписали назад в «Лефортово».

Мой адвокат Михаил Трепашкин очень негативно отзывался о Сергее – как о мошеннике и стукаче, а также поведал, что Соколов подставил Березовского.

* * *

С первых дней в больнице я понял, что вольницы, которая была ранее, сейчас уже не предвидится. Режим ужесточили настолько, что даже превзошли в чём-то 99/1 и «Лефортово». Адвокаты, зашедшие ко мне с пустыми листами, без каких-либо документов, сразу подтвердили мои опасения. Их обыскивали, как отъявленных террористов, всё до миллиметра.

Даже, как в «Лефортово», не разрешили переписывать мои тексты, говоря, что если хоть одна публикация Шестуна появится, то следователи сразу будут уволены.

Мой сосед Борис Фомин, увидев будущую книгу, которая представляла собой печатные листы, вставленные в папку с файлами, да ещё снабжённые фотографиями, сильно заинтересовался. Буквально за два дня Борис всё перечитал и понёс показывать своему адвокату, когда тот незапланированно пришёл к нему на третий день моего пребывания в больнице. Вернулся Фомин уже без моей книги и рассказал, что никакого адвоката не было и что, как только он вошёл в кабинет, семь оперов с видеорегистраторами во главе с Ершовым изъяли мои тексты, составив протоколы. Вот такая тёплая встреча ждала меня в больнице. Личные вещи мне показали только на третий день, почти трети не хватало. К тому же камера не отапливалась трое суток. К тому же у меня изъяли все таблетки.

Самое большое возмущение у меня, конечно, вызвало изъятие у Бориса Фомина рукописного текста про события в «Кремлёвском центре». Я написал официальное заявление во все инстанции, сообщил, что если мне не вернут записи в течение 10 суток, положенных на цензуру, то перейду на сухую голодовку, без воды и медикаментов. Больше недели человек жить без воды не может, поэтому мне самому было страшно: вдруг они ничего мне не вернут? На тот момент я голодал уже месяц, и мой вес составлял 80 кг, сахар в крови понизился до 3 ммоль/л, температура – до 35 градусов.

Как оказалось, в больнице на тот момент, помимо меня, голодали ещё пятеро: Алексей Магазейчиков – с самым длительным сроком голодовки, Василий Ткачёв и Александр Кузмин в камере 729. В 727-й с 11 марта голодала Татьяна Козлова, то есть начала на неделю позже меня. Впоследствии присоединился к голодовке москвич Александр Пробора.

Я посчитал любопытным и даже сенсационным тот факт, что в больнице «Матросской Тишины» массовая голодовка. Шесть человек – довольно большое количество, чтобы сказать о том, что есть системные и массовые нарушения закона. Написал об этом в своих соцсетях – мгновенно отреагировала «Независимая газета» и ещё ряд сайтов и порталов.

Больше всех я общался с Татьяной Козловой. Ей 36 лет, она бывший следователь МВД г. Москвы, уже осуждена Таганским судом на небольшой срок, высока вероятность, что в колонию её отправлять не будут, выйдет за отсуженное. Ей удалось отбиться от нескольких статей, приговор вроде бы только по статье 159 УК РФ. Про Татьяну я много слышал, когда в прошлый раз, в сентябре 2018-го, лежал в этой больнице. Поговаривали, что она уже сумела продержаться в лечебном учреждении полгода за счёт несметного количества жалоб и своего бойцовского характера. Особой поддержки с воли у неё нет, только пожилой отец Анатолий и небольшой профсоюз. Даже на адвоката не хватает денег. Страшно смотреть на ещё довольно молодую женщину, доведшую себя голодовкой до такого состояния, что можно без грима сниматься в фильме про концлагеря. Впрочем, и мы с Магазейчиковым сошли бы на такие роли. Правда, Таня Козлова, как и Алексей, делает небольшие перерывы, но потом опять отказывается от пищи. Как сказала мне начальник всех тюремных больниц ФКУЗ МСЧ-77 ФСИН России Галина Тимчук, больше всех непрерывно голодала украинка Надежда Савченко – 60 дней. После меня, так как этот разговор был уже на 70-й день моей протестной акции. Всего эта известная украинка, вместе с перерывами, не принимала пищу почти полгода и сбросила около 30 кг, очень серьёзно подорвав здоровье. Чуть позже я вернусь к описанию Надежды Савченко, голодавшей в той же 727-й камере, что и я сейчас.

Алексей Магазейчиков отказывается от еды ради своей жены, пытается сделать всё, чтобы с неё сняли претензии по его уголовному делу. Выглядит он очень страшно, с горбом, ходит с палочкой. Сказал, что в результате длительной голодовки ему удалили желчный пузырь. Местным арестантам Алексей знаком. Говорят, он из Измайловской группировки. Я спросил:

– Алексей, ты правда из измайловских?

– Я неплохо знаю их всех уже очень давно, мы все вместе выросли, – обтекаемо ответил Магазейщиков.

Рассказывают, что он долго прятался от федерального розыска в Таиланде, потом решил приехать в Россию, когда всё успокоилось. В одной из центральных областей страны его оставили гаишники и, заметив разницу в правах и паспорте, напряглись. Начали разбираться. Алексей предложил им полмиллиона, чтобы разъехаться в разные стороны, но, услышав такую астрономическую цифру, полицейские сразу достали автоматы. Бывалые заключённые посчитали, что если бы инспекторам предложили стандартную сумму, вроде 10—20 тысяч рублей, то можно было избежать столь трагичной развязки.

Следует заметить, Алексея «измайловского» хорошо знают многие заключённые «Матросской Тишины» – одно время он был смотрящим по тубонару (одному из девяти корпусов «Матроски», бывшему отделению для больных туберкулёзом).

Василий Ткачёв просто оспаривал голодовкой несправедливый приговор. Как и Александр Кузмин. С его слов, их с женой осудили за ограбление дома тёщи на Рублёвке стоимостью 2 миллиона долларов. Однако он и супруга, наоборот, защищали дом от рейдерского захвата, и сама тёща, потерпевшая, полностью их поддерживает и считает защитниками, а не грабителями. В принципе, это логично, ведь мало какая мать захочет посадить свою дочь, какой бы имущественный спор ни был. Сидит Кузмин в спецах Бутырской тюрьмы. Очень доволен условиями содержания, там ему нравится даже больше, чем в больнице. Сам он из Воронежской области. Внешне – как сказочный русский молодец, с окладистой бородой, вовсе не портящей его безупречный образ.

Последний примкнувший к голодающим – москвич лет тридцати, Александр Пробора, сидевший раньше в большом спеце «Матросской Тишины», причём на пятом этаже, где Денис Тумаркин отремонтировал все камеры размером 14 квадратных метров, поставив шикарные двери. Правда, впоследствии его перевели в СИЗО «Капотня». Хотя изолятор и новый, но не нравится совершенно никому, кого ни спросишь. В «Капотню» арестантов уже почти набрали. «Дорог» там нет, и вроде как хотят там же сделать и свой суд, чтобы не таскать арестантов через всю Москву. Администрация СИЗО старается заполнять камеры узбеками и таджиками, чтобы завершить ремонт. Когда я спросил у Пробору, по какой статье он сидит, то услышал, что по педофилии. Интерес к его проблемам у меня сразу пропал. Я никого не осуждаю, но всё же есть что-то запредельное в этом, что даже убийство не кажется таким уж мерзким.

Сейчас мне сложно выяснить подробности дел, чтобы была объективная информация. Я полностью изолирован от всех. Раньше я мог спросить у адвоката, что по тому или иному делу есть на сайтах судов, а теперь это исключено.

Когда я заехал в больницу и по вечерам не услышал привычное: «Жизнь вора! Вечно! Бесконечно!», то спросил у соседей, почему так тихо вечером на центральном.

– Новый положенец, ингуш Тимур Росомаха, установил новые правила, – ответили ребята. – Сказал, что можно кричать только два раза в месяц – 15-го и 30-го числа. Якобы из-за введения нового закона: если ты называешься вора в законе или пропагандируешь, то за это получаешь срок.

Тимур Росомаха сидит в 134-й камере общего корпуса. Ему тридцать с небольшим. И в СИЗО-3 «Пресня» появился новый положенец – чеченец Агабек. Тимур Росомаха прекратил практику сбора крупных сумм с сидельцев по статьям 228, 159 УК РФ и по многим другим традиционным статьям. Теперь это делается только в разумных пределах, по возможности от тысячи до трех тысяч рублей. На эти деньги закупаются для бедолаг сигареты, чай, сахар, спички, разгонные телефоны самой простой модели. Тимур одобряет «дороги». Мало того, пишет установки в виде маляв, да, собственно, и загоняет на время трубки разгонные, чтобы после звонков их возвращали назад.

* * *

Вечером 8 марта в кабинет к врачам, после процедур, зашёл начальник СИЗО Поздеев. Он всегда приходит в выходные, видимо, чтобы было время поговорить о книгах. Сергея Леонидовича интересуют все тюремные романы, и мы подолгу обсуждаем стиль, правдоподобность и личность автора. (Почему он не спешил в женский праздник поскорей отправиться домой, чтобы поздравить и развлечь свою жену?) Под конец беседы задал вопрос:

– Как думаешь, наладится у тебя контакт со следствием?

– Все пути уже отрезаны. Ко всему прочему следователь даже не скрывает, что не принимает самостоятельных решений. Ткачёв и Алышев дают реальные указания. Есть кое-какие мысли у меня по этому поводу. Как всегда, не мирные, а с точки зрения нападения. Пока я ещё выложил не всё, что у меня есть. Посмотрим, насколько Иван Иванович непробиваем.

10 марта мои старшие дети, Маша и Санёк Шестуны, посетили митинг за свободный интернет на проспекте Сахарова, где появились с плакатом «Шестун сидит за ролик на YouTube». Акция собрала 15 000 жителей Москвы и Подмосковья, а также внушительное количество федеральной прессы.

Моих детей все узнавали, особенно после видеообращения к Владимиру Путину, которое набрало 10 миллионов просмотров в интернете. Многие люди подходили к ним, фотографировались и выражали поддержку. Саша и Маша дали интервью почти всем присутствующим там телеканалам, в том числе иностранным.

После окончания митинга они давали интервью журналистам Euronews, Саша при этом развернул плакат в мою поддержку для кадра. Внезапно на него налетели вооружённые сотрудники полиции или Росгвардии и повели в автозак, попутно ударили по почкам, впечатали головой в машину и пнули. В дальнейшем суд оштрафовал моего сына за нарушение правил проведения митинга, при этом в основу такого решения легли ложные показания сотрудника полиции: якобы Саша что-то выкрикивал, хотя в интернете выложено несколько видеороликов, где видно, что он ничего не кричал, когда на него беспричинно налетели со спины и задержали.

Про Сашу, моего единственного сына не от брака с Юлей, я хочу рассказать подробнее. Эта история началась 31 декабря. Наступающий 1991-й я встречал на турбазе в Прилуках (деревня в Серпуховском районе). Там и произошло наше с Леной знакомство. Она была секретарём комсомольской организации ситценабивной фабрики, жила с ребёнком в коммуналке. У неё в квартире собиралось очень интересное общество, и меня тянуло туда магнитом. Гораздо сильнее, чем к самой Лене. Но чем дольше мы общались, тем большую духовную близость испытывали. Развёл нас, как это часто бывает, быт. Я в то время начал строить свой дом – позже расскажу о нём более подробно, и Лена потребовала от меня законной регистрации наших отношений. Как приправу к пище, я стал ежедневно получать порцию упрёков, а на десерт – жалобы с оттенком скандала. И всё-таки я сопротивлялся. Во-первых, в тот момент я вообще не видел в этом необходимости. А во-вторых, терпеть не могу, когда на меня давят. В общем, я упёрся, а она не сдавалась. Почти каждый день выслушивал упрёки в чёрствости и эгоизме.

В итоге, в один прекрасный день, когда меня в очередной раз выгнали, я решил, что на этом всё – точка. Снял квартиру и переселился. Какое-то время «зализывал» душевные раны, но на переживаниях не особо заикливался – работал почти сутками. Хотя от Лены ушёл, но эпизодические встречи остались, и однажды я услышал, что скоро могу стать отцом. Если, конечно, срочно что-то не предпринять. Я уговорил её оставить ребёнка. Мне к тому времени было за тридцать, все родственники буквально хором требовали наследников фамилии. У моего брата Игоря только девочки, и получалось, что на нас род Шестунов обрывался.

Через положенное количество времени родился сын. Назвали Сашей, в честь моего деда, который страстно желал рождения правнука. Разумеется, все проблемы материального характера я взял на себя: купил, отремонтировал и обставил трёхкомнатную квартиру в центре города, хотя сам продолжал жить в съёмной. Оформил отцовство. Хотя мы и не жили с Леной, если я не видел сына хотя бы пару дней, начинал по нему скучать. И я не могу описать словами, что испытываю сейчас, когда не могу его видеть месяцами, когда узнаю новости о том, как его «паковали» в автозак за то, что он борется за мои права.

* * *

11 марта у меня произошло больше событий, чем за всю предыдущую неделю. С утра на обходе хирург Борисов сказал, что я освобождён от судов, однако меня загнали в клетку на ВКС на какое-то заседание. Я надеялся, что начинается заседание Красногорского суда по иску Генеральной прокуратуры относительно конфискации всего имущества, где мне, конечно, хотелось участвовать и активно выступать. Просидел четыре часа в клетке, а меня так и не соединили ни с каким судом, причём даже не говорили, связь по какому заседанию мы ожидаем.

Я сильно нервничал не только из-за того, что неизвестно чего так долго ждал, но и по поводу увиденного мною следователя Писарева в кабинете у начальника больницы Савченко Елены Викторовны. Я незапланированно повернул к ней в кабинет так, что конвой просто не успел отреагировать, и увидел этих двух голубков, воркующих чуть ли не в обнимку. С первого взгляда было заметно полное взаимопонимание и рабское заискивание Елены Викторовны перед следователем СКР. Когда они увидели меня и поняли, что я их застукал, то оба съёжились и чуть не полезли прятаться под стол. Ещё не утих тот скандал с предыдущим начальником больницы Динаром Тагировичем Гайсиным и угрозами следователя Видюкова, что он выкинет меня из больницы и поселит в «Лефортово» с профессиональным бойцом-тяжеловесом, проходящим по делу о терроризме. Гайсин бил себя в грудь кулаком и утверждал, что он врач прежде всего и никакой силовик не в состоянии на него повлиять, однако обманул меня и выгнал, как только ему указал следователь. Не помогли даже публикации в газетах о том, что ФСБ и СКР оказывают внепроцессуальное давление на врачей и тюрьму, ведь они не вправе вмешиваться в ход лечения и определять, с кем мне сидеть в камере.

На территорию больницы ни следователь, ни адвокат заходить не могут, как и в камеры к заключённым. Есть административный корпус, предназначенный для этого. Но кто сейчас боится нарушений закона? Они это делают даже специально, демонстративно, чтобы подломить твою волю и указать на твою полную беспомощность.

6 марта они не вывели меня на ВКС, хотя я просил Мосгорсуд и говорил, что в любом состоянии готов выступить. Однако на важное заседание не приводят, а на второстепенные конвоируют, где я ещё и сижу часами в клетке. Уверен, всё это делается специально. Не зря следователь Писарев каждый день ходит к нам в тюрьму, решая вопросы, как унижить и замучить меня. Так вот, 11 марта, после четырёх часов бесплодного ожидания я уже совсем озверел и, когда замначальника СИЗО по режиму Пьянков выпустил меня наружу, в коридор, начал громогласно выступать против него и других замов, собравшихся в коридоре.

– Тише, тише, Александр Вячеславович! – увещевали они, кивая на кабинет с приоткрытой дверью. – Там всё начальство ожидает.

Войдя туда, я сразу увидел председателя СПЧ Михаила Федотова, начальника УФСИН России по г. Москве генерала Мороза в гражданском костюме, начальника СИЗО Поздеева, начальника МСЧ-77 Тимчук и ещё кучу офицеров ФСИН.

Как всегда, месседж Федотова заключался в просьбе снять голодовку, а я довольно настойчиво перечислил грубейшие нарушения в больнице, избиения в СИЗО 99/1, только что застуканных Савченко и Писарева и многое другое. Михаил Александрович слушал невнимательно, впрочем, как и Москалькова, ничего не записывал, но зато оживился, когда я спросил:

– Кто вам такие красивые галстуки подбирает? Жена?

– Нет, почему же! Я сам!

– Какая фирма? – У меня-то глаз намётан на хорошие вещи.

– Я всегда покупают только Hermes, – ответил мне председатель СПЧ.

Сергею Анатольевичу Морозу я озвучил про украденные вещи по прибытии из «Кремлёвского центра», про изъятые рукописные тексты и объявление сухой голодовки в связи с этим. Поговорив часа полтора, мы разошлись.

Затем ко мне в камеру зашли начальник МСЧ-77 Тимчук и начальник больницы Савченко. Конечно, я тут же поинтересовался у Елены Викторовны:

– А что делал в вашем рабочем кабинете следователь Писарев?

– Мы просто с ним познакомились, – игривым тоном ответила мне Савченко.

– Вам что, по 17 лет? Познакомились. Вам уже 50, наверное. Вы же не мальчик с девочкой, чтобы тут свидания устраивать. Кто выписал ему пропуск? Как он попал в режимное учреждение? Вы понимаете, что это называется «внепроцессуальное давление»?

Сразу после встречи с женщинами-медиками меня позвал на беседу прокурор Дмитриков Александр Михайлович. В течение двух часов он подробно записывал про голодовку, кражу и всё остальное. Дмитриков искренне желал разобраться, и это было заметно невооружённым взглядом. Только рано я радовался. Когда я увидел Дмитрикова недели через две, он даже разговаривать со мной не стал, видимо, получив инструкции от начальства, что Шестун для прокуроров – персона нон грата.

На следующий день, 12 марта, я опять просидел четыре часа в клетке, ожидая заседания Лефортовского городского суда по отказу в возбуждении уголовного дела по факту нападения бывшего сокамерника Кодирова с заточкой по команде тюремщиков. Во время ожидания коротал время с очаровательной девушкой-психологом, вольнонаёмной, без признаков косметики на лице. Она пыталась меня уговорить выйти из голодовки, мягко и ненавязчиво, безо всякого жеманства и дешёвых уловок.

С утра увидел в «локалке» (в коридорах) две решётчатые двери на расстоянии, куда временно поместили Таню Козлову. Говорит, уже вторые сутки она находится здесь из-за того, что её переселили в камеру, где на полу покрытие аллергенное, – пошла болезненная реакция в организме.

В 10:00 сходил на ВКС с Мосгорсудом по нашей жалобе на отводы адвокатов Камалдинова и Беспалова. Пока ждал соединение, написал много жалоб, поговорил с Пашей Кондаковым, сидевшим ранее в 6-м спеце в камере с Ильдаром Самиевым. Паша проходит по делу «Роскосмоса», сейчас сидит в питерских «Крестах», новых, конечно, потому как старый централ закрыт полностью. Кондаков обслуживается адвокатской конторой «ЗКС». Из неё у меня два адвоката – Гривцов и Малюкин.

Немного пообщался с даргинцем Раджабом из «Водника». Родом он из Дахадаевского района Дагестана, где у меня много знакомых, включая однокурсника по институту Джапарова Абдулкерима и его братьев.

Сейчас врачи не пускают меня на судебные заседания с доставкой в зал, только по ВКС из-за состояния здоровья, да и нет смысла, ведь у Шестуна индивидуальный конвой и нет возможности для общения.

После суда встретился с адвокатом Шляховым, который, кстати, самый добросовестный из всех моих защитников: не боится спорить с сотрудниками СИЗО, писать жалобы, заранее записывается на длительные свидания, весьма педантичен, работоспособен, несмотря на свой

возраст. Ему где-то около 65 лет, но эта машина работает эффективно и последовательно. Только Шляхов приносит полную папку с информацией по делу и новостями от семьи, остальные приходят с пустыми листами на короткое 20-минутное свидание. Боятся, что Чайка состряпал обращение к министру юстиции и им вынесут дисциплинарку, лишат статуса.

На выходе из суда, возле камеры, я встретил председателя ОНК Вадима Горшенина и члена ОНК Бориса Клина из ТАСС. Вадима Валерьевича я видел впервые, он произвёл впечатление творческого, интеллигентного человека. Среднего возраста, достаточно высокий, немного сутулый, в куртке-пилоте и яркой, хотя уже и подзатёртой майке Brioni. Честно говоря, я впервые вижу вещи такого дизайнера этой легендарной фирмы, довольно нетипичного в плане цветовой гаммы.

Бориса Львовича считаю одним из самых честных и полезных для арестантов членов ОНК. Помимо высокой эрудиции и наличия определённой смелости, а также того факта, что Клин пишет достаточно вольные публикации для одного из самых строгих информагентств – ТАСС, он ещё и невероятно обаятелен, с огромным желанием докопаться до истины. При всём том, что Борис Львович часто мне говорит разные неприятные вещи, рубит правду-матку, я абсолютно не обижаюсь и в том же резком духе возражаю ему.

Вадим и Борис сразу набросились на меня, чтобы я прекратил заниматься глупостями и непременно начал есть. Аргументом стало, что последним, кто умер от голодовки, был Анатолий Марченко, в 80-е годы, когда уже Горбачёв пришёл к власти. Тогда этот известный диссидент проголодал 90 суток, он уже начал выходить из своей протестной акции, получив гарантии, что всех политзаключённых выпустят из тюрем, но смерть всё-таки настигла его.

– Борис Львович, вы неправы. Только в этой больнице умерли двое из-за голодовки в последние два-три года, – парировал я. – Правда, одному поставили диагноз «сепсис», а другому – «отёк мозга».

Это в подробностях, даже с фамилиями умерших, рассказал врач-эндоскопист Чингиз Шамаев, кумык из Хасавюрта. Да, собственно, и не только он, а многие тюремщики.

К сожалению, гражданское общество не считает голодовки опасными для здоровья, а больше – политическим фарсом. В сухом остатке решили с Горшениным и Клином попросить СИЗО вернуть мои рукописные тексты, чтобы мне не уходить на сухую голодовку. Тексты вернули. За это Вадиму и Борису огромный респект. К тому же Борис Львович написал большой текст про голодовку, где опять провёл аналогии с Марченко, что для меня весьма почётно. Анатолий Марченко – народный герой среди интеллигенции 80—90-х годов. Да и для меня он символ эпохи наряду с Солженицыным, Гинзбург, Сахаровым. Вадим Горшенин тут же написал статью о моей голодовке и опубликовал на своём сайте Правда.ру. Несмотря на заключение, что, в случае моей смерти, это будет уход от ответственности и признание своей вины, я всё равно считаю полезной эту публикацию, как, впрочем, и сам приход Горшенина.

На следующий же день Сергей Поздеев собрал комиссию, вынес мне два выговора и наказал очередным карцером.

– Вы упали в моих глазах, – сказал я Поздееву, понимая, что это, разумеется, не его инициатива.

Вот цена прихода ключевых правозащитников. Тюремщики сидят рядом с нами, поддакивают, слушают про нарушения со стороны тюрьмы, обещают исправить, а как только провожают гостей, на пустом месте дают два выговора и карцер. Председатель СПЧ Федотов, генерал ФСИН Мороз, председатель ОНК Горшенин приходили ко мне буквально за два дня до применения репрессий. Ответственно заявляю, что такого арестанта, как я, в Москве сейчас больше нет – ни к кому не применяется столько наказаний, пыток, избиений, никто не меняет по семь изоляторов за 11 месяцев пребывания под стражей. Мне поставили три полоски в дело – склонен к побегу, нападению, суициду, членовредительству, сделали около 15 выговоров и 7—8 карцеров, устроили пресс-хату в «Лефортово», когда специально подсадили к профес-

сиональному бойцу-тяжеловесу Кодирову, чтобы тот ночью напал на меня с заточкой. Двадцать тюремщиков в «Кремлёвском центре» в касках, с резиновыми дубинками и электрошокерами жестоко избили меня. В Басманном суде порвали наручниками запястья в кровь, а в коридоре суда распыляли перцовый газ. Лишили свиданий и телефонных звонков, заблокировали переписку. Адвокатов генпрокурор Чайка требует отстранить в министерстве юстиции. Защитникам не дают проносить ничего по делу, обыскивая перед каждой встречей по два часа. У меня индивидуальный конвой с индивидуальным автозаком, чтобы исключить общение с другими арестантами. Уже думал, что больше никаких репрессий в их арсенале не осталось, но я ошибался.

Меня всегда сопровождали три сотрудника, хотя с остальными заключёнными всё наоборот: один тюремщик водит иногда и по 20 арестантов, а так – 4—5 в среднем. Когда я сижу с адвокатом или в клетке суда на ВКС, то рядом сидят трое дежурных, снимают на свои видеорегистраторы мои малейшие действия. Теперь вот мне добавили ещё и спецназ ФСИН, в чёрной экипировке, с большим набором спецсредств. Эти высокие накачанные ребята живут в двух соседних камерах – 726-й и 728-й, а я – в 727-й. Они непрерывно следят за монитором, и все мои передвижения возможны только в их присутствии. Рядом сидит серийный киллер, убивший 40 человек, но его не охраняют.

* * *

Помимо страшных новостей, произошло и очень много радостных событий. Узнал об освобождении людей, к чему считаю себя сопричастным. Гейлен Грандстафф, американец, мой ровесник, качок, удивительно добрый, творческий человек, – на свободе. Я, наверное, радовался больше, чем он сам или его русская жена. Он был настолько мил и совершенно не приспособлен к нашей суровой действительности: рисовал мишек, увлекался выращиванием фиалок... Представительница Фемиды Солнцевского суда вернула в прокуратуру уголовное дело, усмотрев там множество нарушений, и освободила Гейлена в зале суда. Такого развития событий никто не ожидал. Грандстафф сказал очень много тёплых слов обо мне в интервью одной из газет: «Я не встречал в тюрьмах России человека, подобного Шестуну, который беспокоится за чужие уголовные дела больше, чем за свои. Его обвинение основано на пустых фактах, чтобы снять с должности». Примерно такие слова сказал этот милый американец. Видимо, в знак благодарности, что я писал две статьи о нём на русском и английском языках, причём из русских СМИ это печаталось в «Новой газете», а из британских – в The Times.

Вышел под домашний арест Вадим Варшавский. (Тот яркий случай, когда он сходил «по большому» прямо в клетку зала Тверского суда, я уже описывал.)

Освобождён и Вадим Балясный, 200-килограммовый великан с большими ногами и доброй душой. Ещё в своей первой публикации из «Водника» я писал, что Балясного уж совсем незачем держать в тюрьме. Его поставка топлива кораблям в Крыму была совершенно открытой. Качество поставляемого дизеля не соответствовало контракту, но он открыто писал об этом в договоре и получал меньшую цену. Иными словами, подобное дело не может являться уголовным. Такие случаи разбирает арбитражный суд.

* * *

19 марта опять пришли Михаил Федотов, генерал ФСИН Мороз, Андрей Бабушкин, Тимчук, Савченко, все замы Поздеева. Совещание длилось четыре часа. Сергей Анатольевич Мороз дал команду вести протокол, поставить мне кнопку вызова сотрудников. Федотов и Бабушкин настаивали, чтобы я сделал заявление о прекращении голодовки. Ответил: если будут изменения, то вполне возможно, но просто поверить словам (да ещё с такими уклончи-

выми формулировками) невозможно. Тем не менее после этой длительной встречи Федотов распространил заявление, что я снял голодовку, и его процитировали многие серьёзные издания. Когда же я на следующий день через адвокатов опроверг данное заявление, это напечатали всего два-три небольших СМИ. Правда, через неделю написали о моей позиции почти всё те же – «Коммерсантъ», «Интерфакс» и др.

На встрече я посетовал, что в камере нет телевизора, я не могу смотреть блистательные репортажи Куренного из Генпрокуратуры, который сам ездил по району и снимал с центральными телеканалами «мои дома, машины, турбазы, магазины» и т. д. Куренной пришёл работать из «Единой России», где специализировался на чёрном пиаре.

Михаил Александрович пообещал привезти телевизор с дачи, якобы у детей в комнате он лишний, отвлекает от уроков. И привёз-таки – Philips, вполне приличный, теперь я могу смотреть, помимо опусов Генпрокуратуры, новости телеканала Euronews. Низкий поклон Михаилу Александровичу за его гуманизм и заботу о заключённых.

Суды по ВКС в больнице идут у меня почти каждый день в будни, поэтому я, как правило, с утра выхожу из камеры и возвращаюсь уже ближе к ночи. Кроме судов, хожу на допросы к следователям, правозащитникам, генералам и прочим начальникам. Даже прилечь днём на часок не получается, а у меня ведь уже большой срок голодания, организм ослаблен. Сразу после очередного суда по ВКС меня пригласили к следователю Алёне Гришиной из Преображенского отдела СКР по факту моего избиения в «Кремлёвском центре» двадцатью «космонавтами» с резиновыми дубинками. Алёна – молодой следователь, ей около 30 лет, расспрашивала не очень заинтересованно. Поэтому спросил я:

– Откажете в возбуждении уголовного дела?

– Как начальство прикажет, так и будет, – честно ответила следователь Гришина, хотя по закону она абсолютно самостоятельное лицо. Разумеется, впоследствии Алёна вынесла постановление об отказе, которое мы, конечно, обжалуем и отменим ещё не один раз.

Пришли новости из Серпухова. ФСБ и СКР продолжают обыски, особенно усердствуют по журналистам и публичным политикам, поддерживающим Шестуна. Очень жёстко обыскивали Диму Староверова: как всегда, в масках и с автоматами ворвались в шесть утра к нему в квартиру и, вытащив голого из кровати, традиционно положили лицом в пол. Непробиваемый Дима просто заснул с голой задницей, следователям даже пришлось прикрыть его. В дальнейшем силовики оспорили приватизацию квартиры Староверова в суде. Суд, конечно, вынес решение, необходимое ФСБ, лишив его жилья.

Не менее трагично развивались маски-шоу у главного редактора газеты «ОКА-ИНФО» Дениса Бутырского. Они третировали и его мать, забрав в ФСБ на допрос в шесть утра, и престарелую бабушку. У Дениса же отобрали не только «загранник», но и российский паспорт, оставив вообще без документов.

Генерал-миллиардер Дорофеев, конечно, полноценно отрабатывает «мусорные» деньги Воробьёва и уголовных авторитетов, хозяйничающих на подмосковных свалках. Отряд примерно из 100 человек уже полгода не вылезает из Серпуховского района и ещё немного работает в Клину и Волоколамске.

Жёсткие обыски были проведены в эти дни у Николая и Геннадия Дижуров. Николай достаточно резко критикует Воробьёва и его злостную деятельность по разрушению местного самоуправления, частенько указывает на яркие коррупционные факты команды молодого губернатора.

* * *

21 марта меня в который раз просто не вызывают на заседание Красногорского суда по иску Генеральной прокуратуры о конфискации имущества. Проводят без меня и даже

не заморачиваются. Серпуховский суд отказывается принять заседание у себя, хотя так положено по закону. Мы все просили Чеховский, Протвинский или Пущинский суд, но подмосковная Фемида показала нам фигуру из трёх пальцев, ткнув перстом на наиболее приближённый (во всех смыслах слова) Красногорский суд.

Когда решение о подсудности принималось Мособлсудом, меня даже не отвели на ВКС, зато вечером следователь хотел повести на очную ставку. Я прошу об этом уже более полугода... но почему мне назначают её на ночь глядя? К тому же я нахожусь на 43-м дне голодовки и значительно ослаб.

На следующее утро, впрочем, меня отвели на очную ставку с Женей Слухаем в следственный кабинет, причём посадили в клетку, что обычно не делается. Видимо, чтобы унижить моё достоинство и показать Евгению, кто здесь хозяин. Я спросил:

– Зачем в клетку? Я не собираюсь бросаться на него. Тем более я неплохо отношусь к нему и не вижу причин для изоляции.

– Посмотрим! – хитро улыбнулся Видюков.

С первых секунд появления Слухая в кабинете я понял, что он изменил показания, данные ранее не один раз. Даже при возбуждённом уголовном деле Женя рассказывал следователю всё, как было на самом деле. Теперь же Евгений Викторович прошёл, не поздоровавшись со мной, хотя я приветствовал его. Мало того, сел, вывернувшись так, чтобы не смотреть на меня. На потемневшем лице виднелась смесь тяжести от всей процедуры и некой брезгливости.

– Женя, не беспокойся. Говори, что тебя просит следователь. Всё равно твои показания уже ничего не изменят. Я всё равно смертник, хоть ты живи нормально, воспитывай ребёнка.

Это немного расслабило его, хотя до конца он был сгруппирован, как ёжик с выпученными иголками во время потенциальной угрозы. Слухай наврал, что говорил мне о несоразмерности участка и площади строений. Конечно, в этом случае я бы тут же вызвал юристов и ни при каких обстоятельствах не дал бы добро на постановление, даже несмотря на то что находился в отпуске и его не подписывал. Всё равно на тот момент предприниматели Криводубский и Самсонов уже начали строить крупные основные строения – дороги, котельную, площадки для парковки, забор и т. д. И земля уже была в аренде. Ну выкупили бы на месяц-другой позже. Кроме того, Слухай с Криводубским общался гораздо больше, чем со мной. Это можно просто проследить по детализации звонков. Я на тот момент вообще не знал о существовании домика сторожа, на основании которого была применена цена участка. Прочитав об этом в публикации газеты «МиГ», тут же собрал совещание в 2009 году, однако юристы утверждали, что всё стопроцентно законно. Слава богу, хоть это Евгений Викторович подтвердил.

Очная ставка длилась восемь часов, и после ещё планировалась беседа с Сергеем Соколовым, но я сказал, что это уже перебор, попросил назначить другой день. Тем более у меня было назначено УЗИ сердца и сосудов шеи очень опытным врачом Инной Вячеславовной, и она подтвердила стеноз 60% моей сонной артерии с врождённым S-изгибом.

Рядом проверяли Астемира, молодого кабардинца, сидящего на тубонаре за грабёж. Пытался поговорить с ним об истории адыгского народа, в семью которого входят кабардинцы с черкесами, об их предках убыхах и раннем вероисповедании с верой в сокола, про большую депортацию, устроенную ещё русским царём и турецким султаном. Но Астемира мало интересовала история его народа, а жаль. Убыхи, предки кабардинцев, были ключевой нацией на Кавказе. Самые образованные, сплочённые и боеспособные на тот период времени.

После я встретился с и. о. начальника СИЗО Морозовым Иваном Валерьевичем, начальником оперативного управления УФСИН России по г. Москве Ивановым Александром Владимировичем, и мы обсудили все заявленные претензии друг к другу, наметили действия к тому, чтобы избегать впредь подобных конфликтов. Как всегда, я вернулся в камеру уже после отбоя.

И так почти каждый день. Хорошо, что обедать и ужинать не надо – я на голодовке, а так всё пропускал бы регулярно.

На следующий же день, 23 марта, я опять вышел из камеры с утра, а зашёл за полночь. В тот вечер я был сильно расстроен, потому что, как и предполагал, ЦИК запретил передачу мандата умершего Жореса Алфёрова Павлу Груднину. Я был уверен в таком исходе и ранее, когда другой мой знакомый, Борис Иванюженков, подал в суд, как только КПРФ приняла решение о передаче мандата директору ЗАО «Совхоз имени Ленина». Боря не стал бы без согласования с Яриным, Лалакиным и Воробьёвым устраивать подобные демарши. Думаю, ему хватило несогласованной кампании в Госдуму по нашему одномандатному округу, когда он в пух и прах проиграл Олейникову. Впрочем, Михаил Михайлович Кузнецов, руководитель администрации губернатора, маг и волшебник покруче Чурова, никогда не скрывал, что способен сделать любой результат с любым кандидатом. Ну не могут Кириенко и Ярин простить Груднину второе место во время главной предвыборной кампании страны. Даже сейчас Павел Николаевич опережает опытного пиарщика Сергея Шойгу и прочно держит рейтинг вслед за президентом России. Конечно же, с огромным отрывом, но это серебро, которое в данном случае не просто почётное, но скорее опасное для него.

Противно, что председатель ЦИК Элла Памфилова, всегда бьющая в грудь со словами о своей кристальной чистоте, давно уже потеряла политическую девственность, что я на собственной шкуре почувствовал ещё год назад. Тогда Элла Александровна топала ножками:

– Никто не может помешать Шестуну участвовать в избирательной кампании!

Но как только получила команду из Кремля, тут же вся её принципиальность ушла, как вода в песок. Меня же для подстраховки перевели в «Лефортово», чтобы наверняка замуровать и лишить любой возможности не только участия в выборах, но и даже консультации супруги, которую столь же бесцеремонно сняли по суду. Однако Элла Памфилова этого как бы не заметила. Боюсь, как бы Павлу Груднину не оказаться в «Кремлёвском центре» или «Лефортово» с его вторым местом. Активы Груднина Воробьёв с генералом-миллиардером Дорофеевым уже активно экспроприируют с помощью ручных судов и родственников-прокуроров. Ломать – не строить. Взять всё и поделить – принцип нынешних хозяев жизни, взятый у Шарикова.

Я стал намного больше уважать Зюганова, Кашина, Рашкина, которые не боятся защищать своего опального товарища Павла Груднина – человека действительно очень яркого, работоспособного и весьма талантливого руководителя. Я уже не говорю про ораторское мастерство директора ЗАО «Совхоз имени Ленина». Такие люди – штучный товар. Этот человек способен чётко и ясно выразить свою мысль, а главное – коротко, но фундаментально. Жалко, если его выдавят из России, как и многих способных предпринимателей, учёных, политиков, которых лишили Родины. Принцип простой: не нравятся местные порядки – вали за кордон. Даже мне, по сути, давали такую возможность, несмотря на жесточайший ролик на YouTube про Ткачёва и Ярина с Воробьёвым. Как толькохватило наглости члену ЦИК Евгению Шевченко цитировать Ленина?! «Честность в политике – есть результат силы. Лицемерие – результат слабости». Эти слова Шевченко должен был адресовать своему начальнику Элле Памфиловой. Вот тогда бы выстрел был в десятку.

Как в народе говорят, беда не приходит одна. Почуввав слабинку, волчья стая стала окружать подраненного Груднина. Преуспевающее предприятие кандидата в президенты заинтересовало подмосковные власти и их поделщиков. Павел Груднин и его «Совхоз имени Ленина» подверглись рейдерской атаке со стороны губернатора Воробьёва и уголовного авторитета, уроженца Западной Украины, Владимира Палихаты. Правильно, что Груднин переходит под московскую юрисдикцию, так как подмосковные суды и прокуроры угрожают его сельхозпредприятию, ведь земля в Ленинском районе нужна компании «Самолёт» – брата губернатора – под многоэтажную застройку, в том числе и для продолжения построенного им огромного

ЖК «Пригород Лесное». Семейка Воробьёвых продала там квартиры с хорошей прибылью, но о транспортной доступности не подумала. Новосёлы теперь мучаются в пробках, и решить эти проблемы с застройщиком без земли «Совхоза имени Ленина» почти что невозможно. Покупать они, конечно, не привыкли, как и всё семейство «воробьиных». Предпочитают воровать, что является характерной чертой этой примитивной птички.

Достойный партнёр у губернатора – рейдер №1 в России Владимир Палихата, хорошо знакомый мне по столкновению с моим знакомым Алексеем Душутиным и адвокатом Андреем Гривцовым. Мой защитник, будучи следователем СКР, вёл уголовное дело в отношении Нестеренко и Палихаты, захвативших здание НИИ эластомерных материалов стоимостью более миллиарда рублей, но сам оказался за решёткой. На мою просьбу рассказать что-нибудь о феномене рейдера №1 всегда словоохотливый Андрей Гривцов вдруг побледнел:

– Ни слова не скажу. Не хочу получить водопроводной трубой по голове.

Впрочем, рассказ Душутина о Палихате не сильно отличался от мнения Андрея. Он-то ведь тоже загремел в тюрьму, а до этого они с супругой, защищая свой ЦКБ «Связь» от захвата, были избиты неизвестными металлической арматурой. Сейчас Алексей Душутин, заплатив взятку следователям, вышел под домашний арест после нескольких лет заключения и, прихватив престарелых родителей, скрылся в Канаде. Когда Душутина посадили в тюрьму, то мама Алексея часто звонила мне и просила помощи. Я-то, как мог, утешал её, но помочь реально был не в силах.

В начале 2000-х Палихата познакомился с вдовой Собчака, Людмилой Нарусовой, и лидером Тамбовской группировки Владимиром Барсуковым, съехавшим не так давно с «Кремлёвского централа» в другой изолятор. Перечислять список захваченных предприятий этим рейдером нет никакого смысла. Речь не о нём. Главные герои в этой истории всё же Воробьёв и Грудинин. Думаю, всем понятно, что губернатор – герой отрицательный, ну а Грудинин, конечно, положительный. Хотя ничего абсолютного в жизни не бывает, на чёрных и белых одеяниях тоже есть пятна.

Более безболезненно закончил своё общение с Палихатой мой давний знакомый, экс-глава Олимпийского комитета России Леонид Тягачёв, который вместе с Александром Слесаревым забрал у предпринимателя Игоря Захарова универмаг «Москва», принадлежавший ему на правах собственности. В результате Захарова арестовали по заказному делу, после чего Палихата захватил здание универмага. Интересно, что часть денег от продажи «Москвы» осела в общаке Таганской ОПГ, лидеры которой, Жирноклеев и Рабинович, заехали при мне в соседнюю камеру СИЗО 99/1. Ну а Тягачёв в результате этой истории вышел с репутационными потерями из-за проблем в «Содбизнесбанке» при выводе Слесаревым оттуда активов. В октябре 2005 года Слесарев, его жена и несовершеннолетняя дочь погибли от пуля киллера. У Владимира Палихаты же после захвата универмага «Москва» авторитета и денег только прибавилось.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ 23 ГОДА С ЮЛЕЙ

23 марта, в третий раз за последние две недели, меня посетил начальник УФСИН России по г. Москве генерал Мороз. Честно говоря, я удивлён таким вниманием к своей скромной персоне. Совещания отдаются целиком только моим проблемам и длятся в среднем по четыре часа с присутствием 20—30 начальников разного калибра. В 19:30 я уже сидел за длинным столом в приёмной Поздеева. В камеру зашёл в 23:55. Мне, конечно, не жалко субботний вечер, я-то всё равно в тюрьме, но у каждого ведь есть жёны и мужья, чтобы жертвовать своим временем на какого-то Шестуна.

Сергей Анатольевич Мороз заставил всех вести протокол, чтобы можно было поставить исполнителя и сроки исправления озвученных нарушений. На встрече традиционно присутствовали все замы начальника СИЗО (Поздеев был в отпуске), начальник МСЧ-77 Тимчук Галина Викторовна, начальник больницы Савченко Елена Викторовна, оперативники, режимники, цензоры. Разбирали досконально всё, вплоть до самых мелочей. Например, почему запрещено со мной общаться правозащитнице, главному аналитику УФСИН России по г. Москве Анне Каретниковой? Хотя она давно по секрету сказала, что приказ не подходить ко мне идёт выше, чем от Мороза. Напомнил свою просьбу о замене камеры на 727-ю, она лучшая в изоляторе, просторная, с импортным кафелем, огромным окном и широкой душевой кабиной. Потребовал отдать изъятые рукописные тексты, заблокированные цензорами и следователями ФСИН-письма, вернуть украденные вещи, 30 000 рублей, отдать посылки со склада, которые не могу получить месяцами, книги, лекарства. Пожаловался, что восемь месяцев следователь не вёл активной деятельности: в частности, сколько бы я ни требовал очных ставок, всё время получал отказ. Когда же пошёл 45-й день голодания, он назначил по семь ставок подряд, а это даже для здорового человека тяжело.

Тимчук сказала, что после выхода из голодовки меня надо будет держать в больнице на курсе реабилитации не менее двух месяцев, что, наверное, неплохо, ведь летом здесь очень удобно загорать и, как бы они меня здесь ни прессовали, это всё же больница, режим сам по себе помягче. Единственное – не они же решают. Им прикажут, и выпнут меня в первый же день. Посмотрим.

Галина Викторовна подробно рассказала о технологии снятия с голодовки украинки Надежды Савченко: капельницы три дня, потом кисель пустой, потом кисель с фруктовой добавкой, потом рисовый отвар без риса и т. д. Меня вполне устроила эта технология, осталось только одно маленькое «но»: выполнение требований. Хотя бы гарантийного письма генерала Мороза о моём лечении в Бакулева. Генерал обещал, что если я буду вести себя без нарушений, то он оставит меня в «Матросской Тишине», в малом спеце, в 4-м корпусе, где сидят, в основном, интеллигенты по экономическим статьям.

Юля написала жалобу на имя Путина, и она, видимо, неплохо сработала, хотя, возможно, просто моя голодовка их пугает, тем более что такой резонанс идёт в СМИ, даже зарубежных.

В этот вечер забрали Борю Фомина, нашего соседа, вроде как на этап на зону. Он нервничал, потому что боялся, что его вернут из-за очной ставки, которую запланировал следователь. Сейчас во ФСИН хорошая практика: с целью экономии на перевозке заключённых селят на зону рядом с их местом проживания. Родным арестанта это тоже очень удобно, но всё равно столыпинские вагоны остались, и человек может застрять в пересыльных тюрьмах на несколько месяцев, причём родные не знают, где он находится. Пересыльные тюрьмы – это отдельный рассказ. Есть такие ужасные, что даже ушам своим верить не хочется, когда тебе рассказывают очевидцы про грязь, пытки, издевательства, отсутствие белья, бани, питания. Волосы на голове

дыбом встают, когда слушаешь, как иногда встречается заключённый. Впрочем, большинство добирается без особых приключений. При этом все признают, что этап на зону – худшая часть тюремного квеста. Лучше я отдельно приведу несколько рассказов очевидцев.

Через пару дней я увидел Борю Фомина в адвокатских кабинетах. Значит, он или в больнице (у него диабет 1-го типа, инсулинозависимый), или в каком-нибудь другом корпусе «Матросской Тишины». Поговорить не удалось, но я ещё несколько раз встречал его в следственных кабинетах.

25 марта у меня отменили очередной суд по ВКС из-за болезни адвоката Соболева. Тут же пришёл следователь по особо важным делам Военного следственного управления СК России по г. Москве Антон Ластовский. Я писал заявление о вымогательстве у меня денег сотрудниками 6-й службы УСБ ФСБ через почту СИЗО 99/1, для подстраховки просил адвокатов отправить электронное письмо такого же содержания в Главную военную прокуратуру и ГВСУ СК РФ. «Кремлёвский централ» под полным контролем сотрудников ФСБ, это её структурная единица по сути. А ворон ворону глаз не выклюет. Когда Антон начал меня опрашивать, я обратил внимание, что у него зафиксировано именно электронное обращение. (Не зря я подстраховался от хитрости Подреза.) Я подтвердил все данные мною ранее письменные показания.

Антон Сергеевич Ластовский – темноволосый молодой человек, примерно 35 лет на вид, по поведению очень сдержанный. Очевидно, что особой прыти он не проявил, но заявление есть, и следователь обязан его отработать. Через месяц пришлось вызвать Ластовского в военный суд и там требовать отчёт о проделанной работе в присутствии военного прокурора.

Девятое УСБ ФСБ уже давно начало серьёзно работать по моим заявлениям, даже есть первые результаты.

24 марта прошла четвёртая встреча с генералом ФСИН Морозом за три недели моего пребывания в больнице и вторая – с Татьяной Потяевой, уполномоченным по правам человека в г. Москве. Я пожаловался на заморозку ФСИН-писем и на Красногорский суд, хотя и Мороз, и Потяева имеют полномочия только по Москве. Обещали вроде поговорить с Катей Семёновой, ответственной за Подмосковье, но, конечно, эта воробьёвская девушка пальцем не шевельнёт без приказа своего босса.

На встрече сказали, что Федотов сделал запросы на Чайку, Бастрыкина, в Красногорский суд, Кориненко. Ответы, правда, меня совсем не впечатлили. Всё законно и обоснованно, зато подписи первых лиц, а не начальников отделов. Я сказал, что голодать не брошу, пока не будет каких-то очевидных результатов по моим требованиям, на что Тимчук Галина Викторовна ответила:

– Александр Вячеславович, вы можете не заметить ту границу, за которой пути назад уже не будет.

* * *

26 марта впервые я попал на заседание Красногорского суда. Было очень много телекамер, журналистов, и, пока заседание не началось, по ВКС я сказал про месть Чайки за сыновей, «игорное дело», Абросимова, про месть Воробьёва и его бизнес, про 20-ю статью Конвенции ООН, которую Россия не ратифицировала. Что это – чистый заказ. Я – единственный чиновник, который показывал свой доход и расход на строительство дома в декларациях.

Судья Потапова сразу начала жестить, отклонять все ходатайства и мой отвод ей, разумеется. За 10 секунд отказали в ходатайствах Банку ВТБ, Игоря Шестуна лишили слова. Когда адвокат Огородников чем-то возмутился – сразу удалили из зала. Я и двух слов не успел сказать, как и меня отключили от ВКС. Адвокат Соболев был на больничном.

После Красногорского суда ко мне пришли адвокаты Гривцов и Малюкин и сообщили, что Гудков на «Эхо Москвы» хорошо сказал о том, как Шестун боролся со свалкой, а попал за решётку.

* * *

27 марта исполнилось 40 лет Юле. Жаль, что в такой день я не мог быть рядом с ней и сказать, как много она для меня значит, как я её люблю, поблагодарить за прекрасных детей. Много лет я не мог запомнить дату её рождения, пока она не начала ставить заветную цифру, как код, на мой чемодан в поездках. Запомнил-таки...

Юлю я встретил случайно. Мы познакомились в 1994 году. Ни о каком романе тогда речи не было. Постепенно, и как-то незаметно для меня, наш лёгкий флирт перерос в серьёзные продолжительные отношения. Меня это несколько пугало – разница в возрасте не давала покоя, всё-таки я старше на целых 15 лет! Однажды даже пытался прекратить наши встречи. Подвела излишняя склонность к романтизму – я решил обставить расставание как можно красивее и пригласил её в круиз...

Теплоход «Маршал Рыбалко» был куплен Советским Союзом у ГДР и к сентябрю 1996-го, когда мы взошли на палубу, успел избородить воды нескольких рек и морей. Четыре палубы, ресторан на каждом этаже. Маршрут: Чёрное море – Днепр. Разумеется, с заходом в портовые города.

Если говорить о водной части путешествия, больше всего понравилось на Днепре. На море что – кругом вода. Мы проплывали мимо населённых пунктов, могли наблюдать за рыбаками. И вообще чувствовали себя эдакими господами на прогулке. Особенно красиво было по вечерам. На теплоходе включали иллюминацию, за кормой мелькали огоньки городов, влажный ветерок слегка касался щёк...

Странно, но я ощущал причастность ко всему, что происходило на корабле, и испытывал почти родственную приязнь ко всем на борту, включая команду. Видимо, движение на одной посудине в одном направлении будило в душе чувства, похожие на те, что испытывают моряки в длительном плавании.

Единственное, что отравляло первые дни путешествия, – качка. Выяснилось, что переносу я её крайне плохо. Почти сутки лежал пластом и проклинал все водные приключения вместе взятые.

Каждое утро начиналось с приветствия капитана. Он желал нам доброго дня, сообщал температуру воды и воздуха. Рассказывал о достопримечательностях, мимо которых мы проплывали. Информировал о предстоящих мероприятиях. Знакомил с названиями блюд в ресторанном меню. Голос его звучал вне зависимости от нашего желания. Просто в назначенный час включалось радио, и негромкий баритон проникновенно произносил:

– Доброе утро!

...Одесса, Севастополь, Евпатория, Днепропетровск, Киев. Не скажу, что мы изучили все достопримечательности этих городов, но глобальное представление о них получили.

Запомнилась публика на теплоходе, особенно театр двойников. Где бы ещё нам удалось запросто пообщаться с Майклом Джексонем или Иосифом Кобзоном? Между прочим, двойник Кобзона в обычной жизни оказался доктором медицинских наук. А двойник Джексона жил одно время на даче звезды американской сцены. Замечательно мы тогда отдохнули... Я сам не выдержал щемящих ноток прощания. Мы с Юлей остались вместе и провели душа в душу следующие 23 года.

Массу впечатлений оставила наша поездка в Швейцарию в 1998 году. Необыкновенная страна. Необыкновенный народ. Традиции там – почти закон. Кругом цветы, улыбки. Идеальные чистота и порядок. Озёра – как профильтрованные. Рыба непуганая косяками ходит. Трава

на склонах – шёлк. Словом, рекламная картинка наяву. Из Цюриха в Лугано мы переправлялись через горы. Мне приходилось раньше бывать в горах, Юле – нет. Её глаза были всё время широко распахнуты, как у удивлённого ребёнка, настолько восхищала окружавшая нас красота.

В общем, мы немало попутешествовали. Разница в возрасте, пугавшая меня как пропасть под ногами, оказалась не такой уж и страшной. Какие тогда были наши годы... Юля успела окончить юридический институт, родить мне четверых детей – Машу, Ваню, Гришу и Матвея. Мы всё сделали правильно.

* * *

Меня наконец перевели из 726-й в 727-ю камеру, как я просил у генерала Мороза. Новый «дом» намного просторнее, раза в полтора, в 727-й более широкое окно, стол пошире и длиннее, но самое главное – очень светло. Писать и читать здесь – одно удовольствие, особенно писать на таком столе при ярком свете.

Андрея Сергеева, как назло, увезли на суд, и я перебирался без его помощи. Правда, режимники, курирующие исключительно меня, хотя и должны заниматься всей больницей, – Михаил Каренович и Андрей Владимирович, полностью помогли, сами переносили мои вещи, ещё и хозотряд привлекли.

Саша Черкасов помыл все стены и полы раствором с хлоркой. Саша из Орехово-Зуева открутил решётки на окнах, чтобы помыть стёкла, и сделал всё на высшем уровне. Виталик поменял сантехнику и заклеил герметиком швы. Просверлили все необходимые дырки, закрепили и отремонтировали холодильник, сделали радио с регулировкой громкости, а не как у всех, без регулятора. Даже с масштабной помощью я так устал, что просто не мог физически пойти на прогулку.

Маша в этот день передала посылку с вещами. Когда я её открыл, то запах туалетной воды Dior Homme наполнил камеру. Так приятно, что Юля догадалась побрызгать вещи. Пахнет волей и домом. В тюрьме нельзя держать спиртосодержащие парфюмерные изделия. Запах они запретить не могут, к счастью.

Когда Маша приносила передачу в СИЗО, пообщалась с родителями политических арестантов, создавших оппозиционный «Чёрный блок», прямо критикующий действующую власть. Так вот, дочь написала, что родители и их дети, конечно, относятся ко мне с большим уважением, всё читают. Участник «Чёрного блока» Владимир Ратников увидел, как я воспитываю судей на ВКС, и тоже теперь толкает речи на заседаниях. К слову, все родственники в тюрьмах с особым уважением и любовью относятся друг к другу, как люди, попавшие в общую беду.

В этот день арестовали экс-министра «Открытого правительства» Михаила Абызова по статье 210 УК РФ «Преступное сообщество». С Михаилом я однажды коротко пообщался на «Пионерских чтениях» у Андрея Колесникова. Опять задерживают бывших руководителей, не самых влиятельных и не самых богатых, мягко говоря. Повторно, после Улюкаева, из окружения председателя правительства РФ Медведева. Кому-то из крутых перешёл дорогу где-то. А может, просто, чтобы лишний раз показать ему его место. Уже давным-давно подобные аресты не имеют эффекта и популярности у населения. Все всё давным-давно понимают. Скорее, это сигнал элите.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ В ЧЁМ МЕНЯ ОБВИНЯЮТ

Меня часто упрекают, что я ни разу не подробно не писал о сути предъявляемых обвинений. В этой главе хотел бы рассказать всю эту историю от и до.

Арестован я 14 июня 2018 года по статье 286 УК РФ – «Превышение должностных полномочий», за постановление 8-летней давности о продаже четырёх участков земли в деревне Борисово, причём подписанное даже не мной, а исполняющим обязанности главы администрации Серпуховского района Сергеем Соколовым, пока я находился в отпуске.

Ранее история с участками 10 раз проверялась следственными органами, и каждый раз выносился отказ в возбуждении уголовного дела. «Почему так часто? – спросите вы, – наверное, с этими участками изначально было что-то не то?» Дело в том, что после того, как я стал заявителем по делу прокурорской банды, крышевавшей нелегальные казино, Серпуховская городская прокуратура в качестве мести начала проверять абсолютно все районные сделки, фактически блокировав работу администрации на несколько лет, так как сотрудники с утра до вечера были вынуждены отвечать на запросы прокуратуры и предоставлять ей бесчисленные документы. Участки в Борисово не стали исключением. После многократных выводов следствия о законности передачи земли, Серпуховский городской суд и Арбитражный суд Московской области в 2014 году также подтвердили, что власти района в этой сделке действовали законно и обоснованно. Да и сама администрация муниципалитета уже после моего ареста отказалась от этой земли при попытке её вернуть.

История сделки такова. В 2008 году ООО «Центр» арендовало у администрации Серпуховского района четыре участка земли в деревне Борисово под строительство торгового центра. Землю эту никто другой брать в аренду не хотел в силу объективных причин: данные участки не имели прямого выхода к дороге, у них был сложный ландшафт с перепадами высот 11 метров, по ним проходила высоковольтная линия электропередачи, отсутствовали коммуникации. За 2 года ООО «Центр» выровнял перепады высот, завезя огромное количество грунта, перенёс высоковольтку, провёл воду и газ, выполнив прокол под дорогой, построил котельную и домик сторожа, забетонировал большую парковку, после чего приступил непосредственно к строительству самого торгового центра и выкупил землю у администрации района. Кроме того, в 2009 году ООО «Центр» приобрёл у другого частного собственника соседние участки, примыкающие к дороге. В последующие годы «Центр», вопреки заявлениям следователей, построил ещё 4 строения общей площадью 3500 квадратных метров в соответствии с назначением участка земли.

Когда земля из неликвида превратилась в привлекательную площадку, её рыночная стоимость многократно возросла – пропорционально вложенным в неё инвестициям. Земля заинтересовала и других, и в связи с финансовым кризисом, ударившим по российскому и мировому бизнесу, ООО «Центр» был вынужден продать часть участков магазину «Лента», впоследствии построившему рядом с уже имевшимся торгово-складским комплексом продуктовый гипермаркет – единственный в Серпуховском районе.

Таким образом, механизм передачи земли был законный, использовались участки по назначению, сделки не были оспорены в суде. Предприниматели работали и приносили пользу населению, бюджет получал налоговые отчисления, а жители – рабочие места.

Впоследствии уголовное дело по статье 286 УК РФ сам же следователь ГСУ СК РФ Роман Видюков и отменил за отсутствием состава преступления. Получается, что я полгода просидел в тюрьме незаконно? Мы все шесть месяцев с пеной у рта доказывали это в судах, но нас никто не слышал.

Видя слабость своей позиции, следствие начало фабриковать новые уголовные дела. По истории с участками мне нарисовали три другие статьи – 159, 174 и 289 УК РФ – соответственно «Мошенничество», «Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём» и «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», и взялись за фабрикацию особо тяжкого обвинения по статье 290 УК РФ – «Взятка».

Начальницу департамента по спорту администрации Серпуховского района Татьяну Гришину арестовали за кражу бюджетных денег, предъявив обвинение в мошенничестве. После нахождения нескольких месяцев в СИЗО Гришина получила предложение от оперативников оговорить Шестуна в обмен на свободу. Как раз в этот момент чиновница меняет своего защитника на предложенного ей силовиками бывшего сотрудника прокуратуры адвоката Михаила Ждановича, отсидевшего более года в тюрьме за крышевание незаконных казино по моему заявлению и имеющего ко мне неприязненные отношения. Как можно доверять голословным обвинениям Гришиной, данным под давлением, когда она находилась под стражей и была заинтересована в изменении меры пресечения? Тем более что изначально показания Гришиной были совсем другие.

Примером нечистоплотности Татьяны Николаевны можно указать тот факт, что в 2009 году в результате кражи из её частного дома 7 миллионов рублей, 30 тысяч евро, 5 тысяч долларов, золотых червонцев, украшений из драгоценных металлов и меховых изделий, было возбуждено уголовное дело, а чиновница так и не смогла объяснить происхождение этих денег.

Следует обратить внимание, что на тот момент в районе существовала волейбольная команда «Надежда», игравшая в высшей лиге России, и её многомиллионным бюджетом распорядилась Гришина, помимо муниципальных трат на управление по спорту. Я же тогда был главой администрации Серпуховского района, мог уволить или назначить любого сотрудника муниципалитета, а также распорядиться бюджетными деньгами. Так почему Гришина, имея возможность тратить десятки миллионов рублей на своё усмотрение, не ограниченная бюджетным кодексом и муниципальным контролем, в те годы не давала взяток Шестуну, обладавшему всей полнотой власти? Почему, по утверждениям чиновницы, она их подносила гораздо позже, когда я не обладал функциями главы администрации, а был председателем Совета депутатов Серпуховского района? Нет никакой логики. Скорее всего, оперативники и следователи указали именно этот период, чтобы не попасть под срок давности.

Сложно без юмора воспринимать и возбуждение трёх упомянутых мной уголовных дел за выделение земли под строительство магазина ООО «Центр». Почему не 10 или 50 уголовных дел? Фантазии не хватило следователям? Разве можно за одно деяние наказывать трижды? Это грубо противоречит закону!

Обвинение указывает, что я управлял несколькими десятками различных компаний, у большинства из которых я в действительности даже и не слышал названий. Мнение следователя, что фирмы аффилированы мне, не имеет никакого фактического подтверждения, есть только домыслы. Как и положено по закону, избравшись главой района в 2003 году, я передал свои бизнес-объекты в управление коммерческим структурам, переоформил недвижимость на предпринимателей. Тем не менее я не перестал помогать развитию бизнеса на территории района и болеть за это всей душой. Фишкой моей предвыборной программы было: «Я знаю, как привести инвестиции, построить новые заводы, отели, рестораны, торговые и складские комплексы, дать людям рабочие места и наполнить бюджет». Конечно, я убеждал предпринимателей Криводубского и Самсонова, обвиняемых вместе со мной, вкладывать деньги в Серпуховский район. Я открыто просил не уводить свои инвестиции в другие муниципалитеты и страны. При этом я гарантировал бизнесменам все виды льгот, положенные по закону.

И что в итоге? У предпринимателей конфисковали имущество, рабочие коллективы разрушили, лишили бюджет налоговых отчислений, подорвав веру в справедливое государство. Меня обвиняют за развитие бизнеса промышленности. В Китае и Сингапуре за это награждают

орденами! Я горжусь тем, что сделал Серпуховский район одним из лидеров одним из лидеров в Подмосковье по развитию инвестиций.

Кому нанёс вред самый крупный конфискованный объект – «Парк Дракино»? Кому мешал конный клуб «Пегас», находящийся там? Как можно сажать меня в тюрьму за это?

Когда СПА-комплексу «Парка Дракино» вручали награду в отеле Hilton Warsaw («Хилтон Варшава»), то говорили, что не только за прогрессивный дизайн, технологии и логистику, но и «за то, что не боитесь вкладывать в Россию». Ведь всё отберут!

Когда премьер-министр Дмитрий Медведев вручал приз Парку «Дракино» как одному из 10 лучших туристических центров страны, Борис Криводубский сказал ему:

– Сегодня вы вручаете награду, а вчера Росимущество вышло в суд с иском об изъятии земли и сноса строений по просьбе губернатора Воробьёва.

На что председатель правительства с юмором ответил:

– Вы же в России бизнес ведёте. Должны быть ко всему готовы!

ГЛАВА ПЯТАЯ

КАК Я ЗАРАБОТАЛ СВОИ ДЕНЬГИ

28 марта я единственный раз имел возможность выступить в Красногорском суде по иску Генпрокуратуры. Правда, меня почему-то всё время пытался остановить адвокат, посланный вместо Соболева, без объяснения какой-либо логики. К тому же ВКС сорвалась, при том что процесс начался в 10:15. Прессы, как в предыдущий день, в зале не было. Имея на руках лживую публикацию «Коммерсанта» с тезисами клоуна Тюкавкина из Генпрокуратуры, я в пух и прах разнёс откровенное враньё и трюкачество «голубых». Просто поразительно, как нагло врут подчинённые Чайки, а солидная газета «Коммерсантъ» в руках Алишера Усманова превратилась в жёлтую низкопробную прессу.

К сожалению, сегодня любая газета является объектом бизнеса, а лакмусовая бумажка – лояльность власти. Каждый творческий коллектив видит своё безбедное будущее не в ярких и популярных статьях, а в возможности найти себе жирного спонсора, способного оплачивать убытки от политически выверенных текстов. Неудивительно, что Алишер Бурханович как слон в посудной лавке – умудрился испортить лучшую газету в России и пытается угодить силовикам, Кремлю и приближённым олигархам. В газете взбунтовались 13 ведущих журналистов отдела политики и заявили о своём уходе. Причиной стала публикация о замене Валентины Матвиенко на посту спикера Совета Федерации главой СВР РФ Сергеем Нарышкиным – рокировка перед транзитом власти, задуманном в Кремле после 2024 года. Это уже не первые отставки в «Коммерсанте». Предыдущий крупный скандал случился из-за публикации, в которой говорилось, что Владимир Путин секретным указом присвоил первому заместителю своей администрации Сергею Кириенко звание Героя России за участие в президентской избирательной кампании в 2018 году. В результате подал в отставку шеф-редактор издательского дома «Коммерсантъ» Сергей Яковлев.

Как только в конце 1980-х начала выходить газета «Коммерсантъ», я был её первый подписчик и читатель, ещё учась в Костромском технологическом институте. Разумеется, после таких изменений, инициируемых уголовником Алишером, выписывать или покупать эти издания возможно только для использования в туалете.

Все уже давно привыкли к тому, во что превратилось нынешнее российское телевидение, где идут бесконечные низкопробные сериалы и политические шоу, рассказывающие, какие дураки на Украине и как мы всех побеждаем в Сирии, не объясняя, правда, зачем России эти территории. Находясь на свободе, я имел возможность смотреть новости на телеканалах «Дождь», ВВС, YouTube, а сейчас вынужден слушать знаменосцев телевизионного жанра Соловьёва, Киселёва, которых Артемий Троицкий так метко назвал говорящими опарышами. Особенно под этот красочный образ подходит Киселёв в своих любимых светло-серых костюмах, с белой головой и кривляниями. Движения, как у червяка на протухшем мясе.

* * *

Мои доводы в суде были железобетонными. Согласно записям в трудовой книжке и данным из налоговой инспекции, с 1991 года по конец 2003-го я занимал руководящие должности в коммерческих организациях. Согласно справке Государственной налоговой инспекции по г. Серпухову №737 от 28.01.1998 г., Шестун А. В. занимается предпринимательской деятельностью с 07.02.1992 г. Его доход, например, за 1995 год составил 88 650 000 рублей. За 1996 год – 41 990 000 рублей. Чего вполне хватало в те годы на постройку моего дома.

Имея под рукой статью «Коммерсанта», я прошёлся по доводам обвинения: «У Шестуна была старенькая машина Volvo, маленький убыточный магазинчик и полуразрушенный домик».

Как же можно так нагло лгать государеву оку? У меня был новейший автомобиль Volvo S70, купленный в салоне «Независимость», у официального дилера, когда этой машины там и в наличии не было, она была представлена только на картинках, поставлялась прямо с завода в Швеции и стоила 50 тысяч долларов США. «Браво» был самым крупным магазином отделочных материалов, с самым большим оборотом, а Шестун был его единоличным владельцем, как и базы металлопроката на железнодорожной станции Серпухов-2 с крупнейшим оборотом металла в городе. Дом Шестуна площадью 400 квадратных метров построен в начале 90-х, за 10 лет до того, как Шестун стал главой Серпуховского района. Я единственный чиновник в Подмоскowie, у которого все доходы и траты на строительство дома указаны в налоговой декларации. Понятно, судья Потапова это слушать не хотела. Видимо, поэтому трансляция прервалась, хотя само заседание длилось до вечера.

После суда ходил на УЗИ почек, желчного пузыря, и врачи сделали вывод о наличии обширного сладжа и необходимости в будущем холецистэктомии – удаления желчного пузыря, так как оттуда камни, как из почек, не достают. Причина – конечно, длительная голодовка. Было это 30 марта, шёл 50-й день отказа от пищи. Впоследствии камни сформируются у меня и в почках.

* * *

Раз уж начал рассказывать о своей трудовой деятельности, самое время подробно и детально объяснить, как я зарабатывал деньги, как годами строил дом, в какие попадал переплёты. И двумя абзацами тут не обойтись, поэтому, пожалуй, начну с самого начала.

Работать я начал сразу после седьмого класса. Все наши ребята поехали в трудовой лагерь, однако я своё лето организовал по-другому – пришёл в отдел кадров «Научно-производственного объединения по разработке и освоению автозаправочной техники» (НПО АЗТ) и попросился на работу. Меня и ещё нескольких юнцов оформили чертёжниками. Разумеется, за кульман нас никто не поставил. Инженеры чертили, мы ездили в совхоз. Каждый день я садился в автобус и отправлялся на «битву с урожаем» в «Заокский». Трудились в овощеводческой бригаде Галины Рыбаковой, Героя Социалистического Труда. Я бы ей и ещё десять медалей вручил. Никогда раньше таких людей не видел – она одна пахала, как все мы – двадцать человек – вместе взятые.

Через месяц получил свою первую зарплату – восемьдесят рублей, и на самой ранней электричке рванул в Москву – покупать маме подарок... Приехал в «Польскую моду» где-то в шесть утра, а «хвост» у магазина уже стоял приличный. Топтался в очереди аж до обеда и всё зря – ничего не смог подобрать. А нашёл то, что искал, в обыкновенном универмаге Олимпийской деревни. Красный импортный джемпер сразу привлёк моё внимание, и после тщательного осмотра решил – беру. Выбор оказался очень удачным, джемпер до сих пор ещё хоть куда, и мама иногда надевает его.

На последнем курсе ПТУ нас довольно часто отправляли попрактиковаться на фабрику. Меня с другом Мишей Павловым ставили на комплект ткацких станков (около сорока), мы обслуживали их в три смены. Причём Мише в ночную работать не позволял возраст, поэтому на своём участке я дежурил один. Признаться, было немного страшновато. Не потому, что Мишка знал больше, просто одна голова хорошо, а две-то всегда лучше. Станки же были сложные, и проблем с наладкой хватало. Зато сколько гордости, когда я за месяц работы получил 164 рубля! Сумма эта казалась просто ошеломляющей, особенно если учесть, что мои родители-инженеры приносили в месяц по сто двадцать рэ...

А ещё (пусть кто-то на этом месте и улыбнётся) я тогда с гордостью осознал свою принадлежность к рабочему классу. Особенно это ощущалось как раз в ночную смену. Представьте: шесть утра, поют соловьи, небо окрашивается розовыми облаками, а мы, рабочие ткацкой фабрики, идём домой... И никого, кроме нас, вокруг нет. Мне даже вспоминались рассказы Горького о рабочих и фабричном гудке.

Первый стройотряд, куда я поехал перед вторым курсом института, вернувшись из армии, назывался «Славяне». Командиром у нас был Юра Кривонос – брянский парень, немного увалень, добрейшая душа и мягкий человек. Денег мы получили немного, поэтому решили всем отрядом остаться на шабашку. Меня единогласно избрали бригадиром. Заработали прилично. После этого больше я в стройотряд не ездил – стал бессменным бригадиром шабашников. Ещё зимой договаривался об объёмах с начальниками различных рангов и формировал бригаду. Попасть в неё стремились даже с других факультетов. Работали мы как проклятые. Но и получали немало.

На четвёртом курсе, оценив мои успехи на шабашках, ко мне обратились из комитета комсомола и предложили поработать главным инженером зонального штаба стройотрядов. Само по себе предложение меня мало интересовало – денег не заработаешь, а лето пройдёт. Но главным призом была поездка в капстрану – согласился.

Против ожидания работа оказалась очень интересной. Фактически в то лето я получил первый крупный управленческий опыт. До сих пор вспоминаю об этой работе с гордостью. Ещё до начала работ, как главный инженер, я должен был организовать всеобщий (для всех стройотрядов Костромы) субботник. Заработанные на субботнике деньги перечислялись в областной штаб.

Наступило лето. В день отъезда все костромские стройотряды с флагами и песнями огромной колонной отправились на вокзал. Погрузились в поезд – и на восток. В каждом вагоне гитары, смех, радостные молодые лица. Ехать двенадцать часов, и никто, естественно, не спит – у всех радостное возбуждение.

Штаб наш располагался в городе Шарья. Отряды квартировались в основном по леспромхозам. Пришлось исколесить почти всю Костромскую область вдоль и поперёк. Дорог нормальных практически нет, кругом леса, болота. Во многие райцентры можно добраться только по воздуху или по воде. При этом путешествовать приходилось на «кукурузниках», и мой организм всегда бурно протестовал против такой болтанки. Расстояния огромные – через три области быстрее доберёшься, чем через одну Костромскую. Иногда на своих двоих отмахивал по тридцать километров. Армейские сапоги расшлёпал вдрызг. Но нравилось!

Что эта работа значила для меня? Ну, во-первых, это было жизненно необходимо. Ведь пока я не стал зарабатывать, меня содержала мать. Раз в месяц она присылала пятьдесят рублей, да сорок шесть стипендия. Всего девяносто шесть. Можно было, конечно, жить месяцами на консервированных супах и макаронах. Многие так и делали. Меня это не устраивало.

Во-вторых, заработки давали мне возможность посмотреть мир.

А в-третьих, мне хотелось хорошо одеваться. И как только появилась возможность, я стал тратить на одежду большие суммы. Приезжаю как-то к родственникам в деревню в новой кожаной куртке, а мой дядька спрашивает:

– Почём купил-то?

– Девятьсот рублей.

– Да ты что! Я корову вон за пятьсот купил.

Глаза у него при этом становятся совершенно круглыми.

– Ну и что? – пожимаю плечами. – Ты корову, я куртку.

Дядька начинает горячиться, он никак не может понять таких неразумных трат:

– Ну как это «что»?! Ты только сравни: корова и куртка...

Как я уже говорил, попасть в мою бригаду считалось большим везением, ведь зарабатывали мы за лето весьма основательно. Соответственно, и к подбору кадров я относился серьёзно, брал к себе только крепких парней. Преимущественно с Кавказа. Беслан – темпераментный кабардинец, мастер спорта по футболу, Гурам – уроженец Грузии, мастер спорта по боксу, а также дагестанцы, азербайджанцы, крымские татары, турки и т. д. Палад, азербайджанец, мастером спорта не был, но силой обладал ббльшей, чем все мастера спорта, вместе взятые.

Где бы мы ни работали, неизменно у кого-нибудь из местных возникало желание встать на наше место. Уж больно привлекательными казались наши заработки. Помню такой случай.

Ворочали мы шпалы на железной дороге. В день получали по сто тридцать рублей каждый. Невероятно много по тем временам. У местных глаза разгорелись, и устроили они начальнику дистанции пути форменный скандал. Дескать, и мы так работать можем – только плати. Начальник ко мне относился с большим уважением, но всё же работу на нашей ветке отдал своим. Нужно же было как-то погасить скандал. Я немного расстроился, но в целом в затею не очень верил. Судите сами. Мы втроём меняли по сто шпал в день. В среднем. У нас была своя технология, и мы к этой работе приновились. Ребята у меня в бригаде один крепче другого. И работали как проклятые. Как-то не верилось, что местные выдержат конкуренцию. Так оно и вышло.

В первый день (в субботу) скандалисты поменяли пятьдесят семь шпал. На одиннадцать человек... На второй день (в воскресенье) они до обеда поменяли ещё 21 шпалу и упали. А после обеда побросали ломы, кувалды и послали ко всем чертям работу, начальника и высокую зарплату. Нам, говорят, наше здоровье дороже обойдётся. Так что ветку в итоге мы доделывали. Между прочим, в первый понедельник после «эксперимента» больше половины местных «шабашников» не вышли даже на свою основную работу.

Мои кавказцы очень любили грибы. Но собирать не умели. Дома у них почему-то такая пища не в почёте. Как пойдут в лес (а чащобы под Костромой глухие, огромные), так обязательно одних поганок принесут. Где вы, говорю, их находите-то? Мне и смешно было, и удивительно. Сам я за полчаса по ведру в лагерь приносил.

И вот как подходит моя очередь кашеварить, кавказцы уже заранее слюну пускают. А я наберу грибов несколько ведёр – и в казанок. Действительно, вкусно получалось. Аппетит у нас там был зверский. Никогда больше я столько не ел, как на этих шабашках. Ведь вот кажется, ни кусочка в себя пропихнуть не сможешь, назад вывалится... Живот раздут, как у волка в мультфильме «Жил-был пёс». А всё ещё голоден. Видно, столько мы энергии на работу тратили, что никакой порцией наестся не могли.

* * *

На первой шабашке в бригаде у меня были только, так сказать, славяне. Белорус Тарасевич, афганец Толик Наумов из Буденновска, мой одноклассник, Миша Павлов, мой одноклассник, и я. Работали в лесной глухомани Кологривского района. Жили в 24 километрах от леспромхоза в кособокой бревенчатой избушке. Смена времени суток для нашей работы значения не имела. Вкалывали и днём, и ночью. А отдых целиком зависел от железнодорожного расписания. Есть по графику поезд – спим. Нет поезда – работаем. В результате получалось что-то около трёх часов сна ночью и несколько часов днём.

Ежедневно мимо нашего домика маневровый тепловозик доставлял на работу девчат из стройотряда «Славяне». Мы для девочек представляли большой интерес. Ну, прежде всего, не нужно забывать, что «Славяне» – стройотряд текстильного факультета, т. е. состав по большей части женский. Наша дружная четвёрка не могла не привлечь их внимания. Другой немаловажный фактор – наша «избушка на курьих ножках». Только представьте: глухой лес, полу-

обгоревший вросший в землю сруб, и мы – четверо небритых «аборигенов»... Невероятная романтика.

Возвращаемся как-то вечером с работы. Впрочем, слово «вечер» будет не совсем правильным, стрелки часов показывали полночь. Времени в обрез. Нужно успеть поесть и хоть немного отдохнуть. В три часа ночи рассветёт, и нам снова идти на пути.

Поели. Где-то в час улеглись. И тут – стук в дверь... Мы просто оцепенели. Это надо понимать: ночь, сам посёлок далеко не в Рио-де-Жанейро находился – вокруг глушь несусветная. До ближайшего города не менее ста километров. Да и в этом «центре цивилизации» ни одного кирпичного дома. Даже тротуары дощатые. А мы от всего этого и вовсе чёрт знает где. Кругом непроходимые леса, медвежий угол... Кстати сказать, к нашей избушке дважды приходили эти косолапые звери.

После продолжительного молчания я наконец-то сумел волевым усилием подобрать челюсть и хрипло спросил:

– Кто там?..

И в ответ раздалось:

– Это мы, девочки!

Дверь распахнулась, и, действительно, на пороге стояли знакомые девчонки из стройотряда «Славяне». Как они умудрились пройти ночью 24 километра по узкоколейке – полнейшая загадка. Тогда мы, правда, над этим не задумывались. Сон был забыт. Настроение у всех приподнятое. Спешно собрали на стол что было и до трёх часов развлекали дам.

Работали мы не только летом. Жить-то на что-то надо. Одной из очень хороших зимних шабашек была упаковка контейнеров на швейной фабрике. Заказчиками выступали вьетнамцы. Где-то во вьетнамской глубинке маленькие желтолицые швеи строчили рубаху за рубахой, не отрывая рук от швейных машинок. Мы же должны были утрамбовывать в огромные коробки морских контейнеров всё для пошива нескольких тысяч этих изделий. Ткань, заклёпки, нитки – словом, полный набор по предъявленному списку. Оплата сдельная и довольно высокая. Рублей сто пятьдесят за один контейнер. Сосватал мне эту работу мой тёзка Саша Уткин, секретарь ВЛКСМ института. Грузили мы с ним тандемом. Первоначальная скорость погрузки – два дня (вернее, вечера) на контейнер. Где-то через неделю меня озарило: зачем терять столько времени, бегая из цеха в цех за небольшим количеством комплектующих? Гораздо разумнее брать сразу несколько комплектов фурнитуры одного вида для загрузки нескольких контейнеров. Помимо этого, я предложил ещё несколько усовершенствований нашего нелёгкого, в общем, труда, и скорость погрузки резко возросла. Теперь мы упаковывали не один контейнер за два дня, а два за один день.

Обычная же подработка – разгрузка вагонов. Я, несмотря на худобу, работал на самых трудных участках – наверху. Дневная норма на одного человека – около двадцати тонн... И не сказать, чтобы я сильно от этого уставал, были ещё силы и на волейбол, и на другие занятия.

* * *

После защиты диплома я вернулся в Серпухов и испытал разочарование: здесь меня никто не знал, начинать с нуля было очень сложно.

На хлопчатобумажном комбинате, куда я устроился, мне не понравилось. Пришёл я туда в кожаном импортном плаще, во французском костюме, в ботинках фирмы «Саламандра». Крутой, одним словом. Вот из-за крутости шиш и получил. А один мой знакомый сделал так: учёл поправку на провинциальный менталитет, женскую сентиментальность и нарядился так, как на паперти не наряжаются. В результате ему выдали двухкомнатную квартиру, мне –

ничего. В отделе кадров ХБК меня известили, что работать я буду сменным мастером. Но мне, как молодому специалисту и сменному мастеру, полагалась комната в коммунальной квартире.

Это было очень сложное для меня время. В Костроме я свободно открывал двери очень многих кабинетов и мог решить для себя почти любой вопрос. Здесь же все мои начинания никого не интересовали. Я и мелкого-то дела не мог организовать... И это причиняло почти физическую боль. Наступили чёрные дни. Я не понимал, как люди могут веселиться, когда жизнь так ужасна. Ткачихи, наверное, считали меня слегка больным на голову. Я мало обращал на них внимания как на женщин, в любую свободную минуту читал «Коммерсантъ-Daily», изучал английский язык – словом, никак не подходил под их определения нормального мужика. А всё было очень просто: я грезил о серьёзной работе. Мне хотелось большой должности и лучших бытовых условий.

И ведь я мог эти условия получить. Вот только не в Серпухове – в Казани. Дело в том, что, когда я ездил в гости к Людмиле, моей первой институтской любви, парень с нашего факультета (он к тому времени был инженером комбината) предложил мне работу на фабрике. И не кем-нибудь, а сразу главным инженером. И трёхкомнатную квартиру в придачу. Понятно, что скромные условия серпуховского хлопчатобумажного комбината мало меня привлекали.

– А как же, – говорю, – стипендия за все эти годы? Ведь ХБК платил за моё обучение все пять лет.

– Нет проблем, – отвечает. – Съезди в Серпухов, возьми счёт.

Такой поворот меня очень даже устраивал, но на ХБК неожиданно засуетились, стали меня уговаривать, сулить скорое повышение в должности и, соответственно, изменение бытовых условий.

– Что ты, что ты! – причитала завкадрами. – Зачем уезжать? Серпухов всё-таки твой родной город. Вот немного поработаешь сменным мастером, ну совсем немного, и мы тебя переведём на другую работу. И квартиру дадим, не сомневайся!

Я поверил, а зря. Конечно, обманули. Не только квартиры не дали – комнаты и той добиться не мог. Всё это просто в голове не укладывалось. Зачем было меня так подводить? Ради чего? Ну отпустили бы с богом, получили бы свои деньги от казанцев, и все довольны.

От «приятной» перспективы всю жизнь проработать на ткацкой фабрике меня освободила медицинская справка, где синим по серому было написано, что в шуме и грохоте мне не позволяет работать «слабое» здоровье.

Когда я принёс справку, кадровичка стала со мной торговаться.

– А если мы тебе дадим квартиру – останешься?

– Сначала дайте, – говорю, – а там видно будет.

– Нет, ты слово дай, что останешься.

Какое-то «Поле чудес»! Я мог бы, наверное, дать им это слово, получить квартиру, а затем всё равно уволиться. Только не хотелось так вот по жизни идти. Противно. И сделка не состоялась.

С комбинатом я распрощался. Монотонная работа сменного мастера ткацкого цеха за гроши, без малейшей возможности проявить инициативу совершенно меня не устраивала. Я хотел работать и зарабатывать.

* * *

После увольнения с комбината я только и думал, что о своём деле. Однажды ко мне пришёл мой брат Игорь и сказал, что Аралин (второй секретарь горкома партии) предлагает ему стать директором клуба. Сам он на эту работу не стремился, поэтому предложил вакансию мне. Владимир Иосифович в то время не только партией руководил. По совместительству он ещё подрабатывал директором на малом предприятии «Рона», офис располагается прямо в горкоме

партии, по соседству с кабинетом второго секретаря. Чего ж, в самом деле, хорошей площади впустую стоять? Серпухов на этот счет комплексами не отличался. Пока по всей стране шумно искали золото партии и обвиняли партийных вождей в разбазаривании народных средств, у нас эти самые вожди преспокойно совмещали идеологическую работу с коммерцией.

Клуб «Роны» располагался рядом с автотрассой, что делало его очень привлекательным в коммерческом отношении. Аралину было абсолютно всё равно, кто станет директором клуба – младший ли Шестун, старший ли. Лишь бы работали. Когда устраивался на работу, мне обещали полную автономию и оперативный простор. На деле я не смог принять ни одного самостоятельного решения. Моё мнение при этом ничего не значило. В результате месяца через четыре клуб в деревне остался без директора.

На момент моей работы в «Роне» пришёлся августовский путч 91-го. Кто-то пришёл, уже не помню кто, и сказал, что в Москве переворот. Включаем телевизор. Точно, переворот, по всем каналам «Лебединое озеро». Что делают в такой момент нормальные россияне? Правильно – садятся пить водку. Мне это в особенности требовалось, я был почти напуган происходящими событиями. Очень уж не хотелось возврата к советскому режиму.

Спустя некоторое время к нам в офис зашёл Николай Алексеевич Адушев. Он тогда тоже, как Аралин, некий чин в горкоме имел. Из всех коммунистических начальников Адушев, пожалуй, более других тяготел к демократам.

– Не переживайте, ребята, – говорил он, глотая водку, – я тут прозвонился кое-куда, у демократов позиция железная. Победят.

Он меня, можно сказать, к жизни на тот момент возродил.

После «Роны» я уже не пытался объять необъятное, не пытался завести крупное дело на пустом месте. Стало совершенно очевидно, что путь к большим сделкам лежит через множество мелких операций. Гайдаровский отпуск цен воспринял с облегчением. Да, цены росли по экспоненте, но это все же было лучше, чем отсутствие товаров. Раньше меня выводили из себя многочисленные унижительные очереди за самыми элементарными вещами, талончики на мыло, сахар и т. п. Не понимаю, как старшее поколение может с умилением вспоминать этот кошмар. Все помнят дешёвую (и по сути, и по цене) колбасу, дешёвую водку, но почему-то забывают, как тратили полжизни на очереди, как писали номерки на ладони, как из всех сортов рыбы наиболее известным был только один – свежемороженая...

Примерно в это же время мой бывший сокурсник Керим Джапаров (даргинец по национальности) пригласил меня в Дагестан. Он, как и я, после окончания института уехал по распределению в Серпухов. Только я по направлению от фабрики, а Керим благодаря своей хорошей учёбе. Его братья занимались мелким бизнесом, покупали в магазине развесной чай и фасовали в коробки, а потом продавали. Уж не знаю, где они доставали тару и у кого вообще взяли идею, но деньги на этом получали неплохие. Меня Керим позвал помочь довести товар до Махачкалы, а заодно и отдохнуть.

Мы загрузили в поезд несколько коробок с чаем и поехали в Дагестан. Что мне бросилось в глаза в Махачкале, так это решётки. Все окна в домах вплоть до второго этажа защищены железными прутьями. Керим объяснял это большим количеством краж. В Серпухове на то время даже первые этажи были «голыми». В общем-то, если исходить из национальных особенностей, то это вполне объяснимо. Горцы ведь испокон веку жили набегами. Природа вынуждала. В горах не посадишь сад, злаки. Всё это растёт только в долинах. Вот и промышленляли набегами. Абрек – это звучало почти гордо. А ещё в Дагестане все вежливы.

– Как это получается, – говорю, – вы все такие воинственные, а вот грубости среди вас нет?

Смеются:

– Да вот именно потому, что все воинственные. Зачем же нам на грубость нарываться?

В то время в Дагестане, особенно по сравнению с Центральной Россией, народ жил довольно богато. Да оно и понятно. Вспомните, кто у нас зимой и летом торговал косметикой, футболками, спортивными костюмами и меховыми шапками? Дагестанцы. Цепочка «товар – деньги – товар» у них уже тогда была отработана до автоматизма.

Произошёл у меня в этой поездке интересный случай. Искали мы с Керимом и его братом Джапаром одного русского мужика. Он им обещал сурковые шкурки продавать. Долго искали. Не нашли. Пока бегали, познакомились с двумя лакцами. Разговорились. Оказалось, что они знакомы с нашим неуловимым скорняком. Однако репутация скорняка, по их мнению, могла бы быть лучше:

– Забудьте о нём, он плохой.

– Как забудьте! – кипятился Джапар. – Я ему и деньги уже отдал. Он нам обещал.

– Мало ли что он вам обещал. Разве не знаете, какие свиньи русские?

Произносят всю эту тираду, естественно, по-русски и в моём присутствии. Я, понятно, закипаю:

– Да ты сам-то кто? – начинаю зло цедить сквозь зубы. – На себя посмотри.

Парень немного теряется, но понять ничего не может. То, что я русский, ему и в голову не приходит:

– Что ты, земляк? Неужели мы из-за русаков будем ссориться? Они ж все ублюдки. Им верить нельзя.

Я от таких слов окончательно зверею, а парень ещё больше недоумевает. Мы довольно долго препирались, а Керим с Джапаром смеялись до икоты. Так наши «милые» собеседники и не поняли, с чего это меня понесло.

После этой поездки я тоже решил попробовать заработать: покупал развесной чай, приобретал отдельные бумажные пакеты, сам фасовал и носил на продажу железнодорожным проводникам на Казанском вокзале. Платили мне за него довольно много, чай на железной дороге всегда в цене, и в условиях товарного дефицита это была выгодная коммерция.

Я подходил обычно к группе проводников и спрашивал:

– Индийский чай нужен?

Прежде чем договориться со мной об условиях, обязательно спрашивали:

– А «слоник» есть? – Имеется в виду рисунок на упаковке.

– Есть.

Лучших рекомендаций и быть не могло. Продав чай, шёл на Ленинградский вокзал, покупал у прибалтийских проводников сливочное масло и ехал назад в Серпухов.

* * *

Успех первых сделок опьяняет. Я, например, как кот Матроскин, приходил в буйный восторг от мысли, что могу купить себе какую-нибудь крупную вещь на заработанные деньги. Так сказать, ещё одну корову, чтоб больше молока было. Но постепенно радость обладания ими притупилась.

«Ещё немного заработаю и буду совершенно счастлив!» – думаешь ты. Но вот заработано столько, ещё несколько раз по столько, и восторги утихают. Ты уже спокойнее относишься и к достатку, и к тому, что он даёт. И понимаешь простую истину: не всё в жизни меряется деньгами. Можно полностью лишиться здоровья в тщетных попытках заработать, а потом лишиться всего, восстанавливая здоровье. Так что богатство вовсе не формула счастья. И абсолютно богатый человек может быть абсолютно несчастным. Хотя, конечно, наличие денег – благо. И, уж будьте уверены, если человек говорит, что деньги могут всё, то, скорее всего, у него этих денег нет и никогда не было.

Я столкнулся с тем, что не всегда могу сам выбирать себе знакомых. Степень моего недостатка ограничивает этот круг. И это определенная несвобода.

– Привет, Санёк! – радостно приветствовал меня старый школьный приятель. – Где ты сейчас? Тут, представляешь, некоторые говорят, что Шестун забурел совсем. Дом построил. Иномарку купил. В бизнесе крутится. А я им всем говорю, что брехня это. Санёк – нормальный пацан!

В первый момент даже не знал, что ответить. А потом поинтересовался:

– Ну и что плохого, что дом?..

Я с надеждой и грустью смотрел на приятеля. Реакцию предвидел, но всё же надеялся, что она будет другой. Но нет.

– Так это правда?!

– Правда.

Приятель больше не улыбался. В его глазах леденели неловкость и отчуждение. Он, как и большинство других, тоже не верил, что состояние не обязательно наживать на кражах и обмане, что его можно просто заработать.

Первым моим компаньоном был студент радиотехнического института Дмитрий Мареев. Внешне он производил впечатление очень простодушного паренька и неизменно вызывал доверие у собеседников. Но невинный взгляд голубых глаз на круглом веснушчатом лице – всего лишь форма, по содержанию своему Димка был отчаянный хитрец. В то же время он отличался дипломатичностью, был неплохо образован. Я очень рад, что мне пришлось с ним работать.

Ездили мы вместе как-то в Нарьян-Мар. Димка в этом крае оленеводов родился и вырос. Развлечений, конечно, минимум – тундра. Нас это, впрочем, не очень расстраивало. Мы охотились, ловили рыбу. Ходили на катере по Печоре аж до самого Ледовитого океана. Хмурые, свинцовые волны, крики чаек, голое побережье... Мир, разделённый пополам. В одной половине бескрайняя тундра, в другой – бесконечная ледяная гладь океана.

Приехали как-то в рыбацкую деревню. Нам обрадовались, как архангелам. Восторг объяснялся просто: мы привезли спирт. Беспробудное пьянство в рыбацких посёлках в порядке вещей.

Впервые видел, как ловят в Печоре сёмгу. Не на удочку – сетями. Сначала глушили, чтоб сильно не дёргалась, потом доставали. Очень уж большая рыба. Поразило отношением нарьянмарцев к рыбе вообще. Проверяем как-то сеть. Попадается язык килограмма на полтора. Дима выбрасывает его как сорную рыбу. У меня дыхание спёрло.

– Э-э, – говорю, – ты что делаешь, такого язища выбросил!

Димка – само равнодушие:

– Да его жрать невозможно!

Ходили на охоту. Промышляли в основном птиц. Гуси, утки, куропатки водились там в огромных количествах. Правда, до сих пор не понимаю их гастрономической прелести. Мясо тёмное, жёсткое и какое-то вонючее. Возможно, мы просто не знали каких-нибудь кулинарных секретов.

Жалею, что не удалось побывать в оленеводческом посёлке. Димка мою печаль не разделял:

– Да зачем тебе это? Там грязно, запахи специфические... Брось!

Так что ненецкие чумы видел только с вертолёта.

Если проанализировать наши с Мареевым отношения, то я был ему скорее старшим братом. И не только потому, что наш возраст существенно отличался: мне – 26, ему – 18. Просто Димку всегда тянуло на авантюры. Я до сих пор не могу понять, что же им двигало. Ведь были у человека деньги. Мог купить и машину, и квартиру, и ещё на жизнь осталось бы. Нет же, спустил всё. То он звал всех поиграть в МММ, то соблазнялся лёгкими деньгами. Ну а я, соответственно, был для него таким холодным компрессом. Однако стремление к лёгкой наживе

всё же завело Дмитрия на кривую дорожку, он начал заниматься какими-то сомнительными операциями, и мы расстались.

Одновременно с количеством проведённых сделок рос мой счёт в банке. К тому времени я уже оформился как предприниматель. Решил купить машину. По безналичке не купишь. А как обналичить? Сразу всю сумму банк не даёт, только по частям.

Делаю следующее. Перевожу деньги из «Уникомбанка» в Сбербанк самому себе. От предпринимателя Шестуна к Шестуну. За услуги. Потом набираю кучу сертификатов и обналичиваю деньги в пятнадцати различных сберкассах. За три дня нужная сумма набралась.

Директора «Уникомбанка» такая моя оборотливость привела в состояние лёгкого ступора. Она вызывала меня на разговор, но противопоставить по сути ничего не смогла. Провёрнутая мной операция хоть и выглядела несколько сомнительно, но была вполне законной. Итогом я оставался доволен: неприятная, но вполне надёжная «шестёрка» сослужила мне хорошую службу.

* * *

Платить или не платить? Подобный вопрос встаёт перед любым российским бизнесменом. Я не говорю о налогах, эта тема не обсуждается. Я говорю о так называемых крышах. Для меня никакой альтернативы не было. Терпеть не могу, когда меня заставляют что-либо делать. Поэтому, разумеется, платить за какую-то мифическую защиту я никому не собирался. Моя решимость, впрочем, не избавила от холодка под ложечкой. Однажды меня затолкнули в машину между двумя амбалами. Ощущение, скажу вам, не из приятных. Но лица терять нельзя – загрызут. Не обращая внимания на различного рода описания физической расправы, я гнул своё: мне крыша не нужна.

В общем, попугали мы друг друга слегка, да и разошлись. Срок мне отмерили – неделя. Возможность сдать я даже не рассматривал. Первое, что сделал, нанёс визит тому, кто организовал мне «приятную» беседу. Для начала обрисовал ближайшие перспективы, если, не дай Бог, со мной что-то случится. Потом по пунктам перечислил все свои дальнейшие ходы в отношении его драгоценной персоны. А напоследок дал бесплатный совет – не попадаться на моём пути.

На какое-то время от меня отстали. Но бандиты – народ упрямый, и одиночным наездом дело, как правило, не ограничивается. И точно. Одна «бригада» отстала, нарисовалась другая. И снова-здорово – плати деньги. Перезнакомился таким образом со всеми местными группировками. И все убеждали – нужно платить. Решил подключить милицию. Пришёл на улицу Калужскую, где располагалось отделение, к знакомым ребятам из розыска:

– Парни, на меня мафия наезжает. Давайте их прессанём, а?

У тех аж лица вытянулись:

– Да ты что... Это ж бандиты. Ты к крыше своей обратись, вернее будет. А что мы можем? Я не сдался, энергия хлестала через край. Предложил им план:

– Вот давайте я пройду мимо них на рынке. Они на меня «наедут», я их пошлю. А драться полезут – вы тут как тут!

Энтузиазма моё предложение не вызвало. Буквально слышно было, как у силовиков мозги скрипят – искали предлог для отказа. Камикадзе мне изображать так и не пришлось. Наезжать на меня уже, правда, не наезжали, но нападения были. То кирпич матери в окно бросят, то подкараулят где-нибудь компанией. И в масках на меня нападали. Остановили как-то машину, приставили к виску пистолет и потребовали:

– Вылазь!

Мне – пистолет. Водителю моему – нож. Среагировал я почти мгновенно, размышления заняли не больше пары секунд. Ударил по пистолету снизу вверх и крикнул водителю:

– Гони!

При этом нападавший успел выстрелить, и заряд смазал меня по уху. Ожог, кровь, лохмотья кожи – всё неважно, уносим ноги. Вернее, колёса. Попутно сбиваем парочку отморозков в масках. Не насмерть, разумеется. Едва оторвавшись от погони, поехали собирать друзей и вернулись на место происшествия – разобраться. Конечно же, там было пусто, шакалы смылись.

Я довольно долго жил по разным квартирам, постоянно носил с собой оружие, очень тщательно проверял подъезд, прежде чем войти, и собственную машину, прежде чем в неё сесть. Дискутировал с некоторыми из бандитов о смысле жизни. Вывернутая какая-то у них философия, но интересно. Добрались аж до Ницше.

– Странный вы народ, – говорю. – Как не поймёте: ваши сила и могущество временны. Вот увидите, через несколько лет милиция и чиновники у вас очень многое отберут.

Я понимал это уже тогда...

* * *

Во время моего сотрудничества с Мареевым был у нас могучий план – поработать в Голландии. Но тандем наш распался, идея не осуществилась. Правда, за границу мы с ним всё же съездили – за машиной. В России явно что-то назревало, и деньги необходимо было срочно куда-то вложить. Первое, что приходило в голову, – купить классную машину. Поехали в Бельгию.

Авто приобрели без помех, но уже на обратном пути, в самом конце тура, я умудрился свернуть не на ту дорогу, и мы потеряли нашу колонну. Мало того, мы с Димкой ещё и друга потеряли. Договорились встретиться на голландско-немецкой границе. Он же посчитал, что мы встречаемся на бельгийско-голландской. В итоге разминулись. С этого момента вся поездка пошла наперекос.

Страшного-то, собственно, ничего не произошло. Раз не получилось встретиться, нужно добираться поодиночке. Выехал из Бельгии, проехал в Голландию. Усталость накопилась дикая, решил немного отдохнуть. Остановился на трассе и попытался заснуть, но отдыха не получилось – попал под облаву.

При проверке документов выяснилось, что транзитный номер машины чему-то там не соответствует, мне светит штраф в тысячу долларов. Откуда у меня такие деньги на штраф? Понятно, отказался платить. Тогда патруль вызвал спецмашину, и мой только что купленный «опель», зацепив манипуляторами, увезли в неизвестном направлении.

Я кричал, ругался. И по-русски, и по-английски. Цеплялся за своё имущество. Меня арестовали, отвезли в участок и посадили в камеру. До пяти утра сидел в обезьяннике, после чего меня выпустили и вновь напомнили о необходимости заплатить штраф.

На улице холодно и промозгло, октябрь и в Германии не самый тёплый месяц, а я в одной рубашке. Забрался в какой-то грузовик, укрылся промасленной ветошью и стал дожидаться рассвета. Рассвело. Пришёл в ту контору, где была моя машина. Оказывается, я должен был вновь платить деньги: и за хранение транспорта, и за новый техосмотр. Заплатил. Пошёл в полицейский участок, аналог ГАИ, выправлять документы, и от услышанного пришёл в неопишемую ярость – с меня снова решили получить наличные. Понять, чего я хочу, никто не мог, поэтому привели какого-то переводчика. Впрочем, это они его называли переводчиком, а на самом деле старый бюргер, побывавший когда-то в советском плену, который, кроме «кёрка» и «яйки», ничего вразумительного сказать не мог.

Я тем временем продолжал выходить из себя и пугать своим поведением добропорядочных немцев. Наконец, кому-то в голову пришла здравая мысль отвезти меня к русским эмигрантам, и долгожданное взаимопонимание было достигнуто. Поволжский немец (дай Бог ему здоровья!) успокоил меня, объяснил, что нужно сделать. По его совету я продал кое-какие вещи (кольцо, фотоаппарат) и набрал таким образом часть необходимой суммы. А недостающие деньги мне, как помощь бывшему соотечественнику, подарила эмигрантская община. Кроме того, добросердечные бывшие граждане бывшего Союза собрали мне в дорогу полную сумку продуктов. Вот так я выбрался из Германии.

Приключения, впрочем, на этом не закончились. В Бресте меня поджидали дорожные «пираты». Брестский таможенник, добрая душа, пытался отговорить меня от ночной дороги, но тщетно. После нескольких бессонных ночей, после беспардонного вымогательства немецкой полиции я чувствовал, что загрызу любого, кто ещё ко мне сунется с поборами. И поехал.

В городе, на центральном перекрёстке меня остановил милицейский патруль и убедил-таки не нарываться на дополнительные неприятности на ночном шоссе. До четырёх утра я проспал в машине у здания милиции, а когда рассвело, тронулся в путь. Подъехал к заправке, и вот они, голубчики! Стоят несколько качков возле потрёпанного жигуля «девятки» с тонированными стёклами, и ещё «шестёрка» какая-то рядом. Ну, думаю, нет, у этой заправки мне делать нечего. Просвистел мимо как торпеда. На спидометре – сто шестьдесят. Качки в машины и за мной.

«Шестёрка» сразу отстала, а «девятка» ничего, идёт. Слегка только на поворотах от меня отстаёт. И качки руками машут, мол, останавливайся. Ага, думаю, сейчас, вот только вспомню, где тормоза! Едва оторвался. У меня уж и лампочка на щитке зажглась, ещё немного и всё, встал бы мой «опель».

Вернулся в Серпухов и с удивлением узнал, что у Димки не было никаких приключений. Спокойно, не имея на руках даже прав на вождение, он пересёк несколько границ и благополучно добрался до Серпухова. Фантастическое везение!

Эта поездка в Германию на многое открыла мне глаза. В своё время, почти сразу после института, меня одолела идея-фикс уехать за рубеж на ПМЖ. Собирался в ЮАР, там давали неплохие «подъёмные». Если бы я не потерял паспорт, точно уехал бы. В ОВИРе всё было оформлено. Видимо, судьба отвела. А потом, после вот этого германо-бельгийского перекося, насмотревшись на заплывших жирком от бестревожной жизни немцев, почувствовав их оскорбительно-презрительное отношение к русским, я понял, что никогда в жизни не соглашусь считать себя человеком второго сорта. Никогда не соглашусь вести сытое, спокойное существование иностранного плебея. Россию долго ещё будет носить по бурному морю экономических и политических преобразований, но по крайней мере здесь я чувствовал уважение.

* * *

В 1993 году в моей предпринимательской деятельности открылась страница импортов. Я тогда работал с французами и часто бывал в Москве на Краснопресненской набережной. Обгорелое здание правительства с разбитыми окнами, танки – всё это выглядело довольно мрачно. Разгон Ельциным Думы меня и моих знакомых не сильно опечалил. Мы не расценивали это как трагедию. Авторитет Ельцина был всё же достаточно силён, и мы целиком полагались на него. Депутатский бунт с Хасбулатовым во главе воспринимался нами как небольшой инцидент местного значения. Правда, декорации к нему произвели-таки на меня впечатление.

Польские партнёры, у которых мы закупали фурами сахар, воду, кукурузные хлопья, познакомили нас с французами. Жан-Поль (фамилию не помню, да и неважно это), директор французской фирмы (законченный аферист, как потом выяснилось), предложил нам партию колбас. Предложение показалось интересным. Я сразу внёс авансом довольно крупную сумму, плюс потом ещё взял кредит в «Уникомбанке» и стал ждать первую партию товара. Но фран-

цуз обманул. Мало того что я ждал обещанного 40 дней (а проценты-то в банке нарастают – 180% годовых!), так ещё и колбаса пришла не копчёная, как договаривались, а варёная. И вес груза оказался меньше, чем было оговорено. За голову хвататься поздно – реализовать нужно. Стухнет весь продукт. Продавали.

Жан-Поль, правда, каялся в грехах и клятвенно обещал, что уж следующая машина непременно придёт вовремя и обязательно с копчёной колбасой. Сам не понимаю, как я ему поверил тогда. Взял новый кредит в банке и вновь заплатил авансом. Разумеется, история повторилась. Мы вновь ждали больше месяца и опять получили фуру варёной колбасы. Подставил меня прохвост-лягушатник по полной программе. Банковский долг к тому времени оформился в сто тысяч «зелёных», и для меня такая сумма была совершенно неподъёмной.

Кое-как удалось продать эту чёртову колбасу. Помогали мне в этом все – от друзей до родственников. Одним из самых удачливых продавцов, и я очень благодарен ей за помощь, оказалась моя двоюродная сестра – Валентина Гонтаренко. Вместе с моим братом они носились по московским магазинам и предлагали, нещадно расхваливая, колбасу на реализацию.

Буквально чудеса изворотливости проявил мой приятель Юра Ящук. Взял несколько тонн колбасы, погрузил и поехал в Иркутск. Где-то в Усть-Куте на него «наехала» местная братва. Денег у Юры не было – взяли колбасой. Почти половину товара отобрали. Так он что придумал: договорился с мужем сестры, вертолётчиком, и вместе с остатками колбасы отправился в дальний леспромхоз. И продал там весь товар по космической цене. А деньги перечислил мне через банк.

Таким образом мы выручили порядка 60% от всей суммы. Но где взять ещё сорок? Потребовали от французов компенсации наших убытков: дайте нам третью машину на реализацию без предварительной оплаты. И дополнительно, в счёт убытков, запросили какое-то количество товара бесплатно. Французы долго не упирались и отправили нам третью машину. Но на этот раз загрузили её паштетами и ветчиной. В результате стоимость груза сильно подросла. Не случись ничего по дороге, мы бы покрыли все убытки за счёт этого товара, ещё и с наваром бы остались. Однако судьбе угодно было провести нас через этот колбасный кошмар до конца.

Водитель фуры, немец, повёз все эти паштеты в Россию перед Новым годом. Ничуть не сомневаясь, он завернул домой и спокойно отпраздновал Рождество. Вместе с нашими продуктами. Когда рефрижератор наконец-то доехал к нам, часть продукта уже испортилась. Пришлось выкинуть. При этом время прибытия – 22:00 31 декабря! Можете представить себе мой ужас?

Как я всё это реализовал – отдельная история. По ней можно писать учебники для начинающих российских предпринимателей. Но так или иначе продать товар удалось. Я заплатил долг банку, а оставшейся суммой предложил своему тогдашнему компаньону, Володе Сафонову, погасить наши убытки.

Володя, нужно, видимо, несколько слов сказать и о нём, бесспорно, интересный человек. Музыкант, играл на гобое. Долгое время работал в государственном оркестре. С гастрольями объехал весь мир, многое повидал. Несмотря на богатый жизненный опыт, остался безнадёжным мечтателем, он просто неисправимый прожектёр. Мечтательный до недееспособности. Творческая профессия отпечаток накладывала, что ли? Махровая маниловщина постоянно заводила его в глухие финансовые тупики, и, если бы не мой постоянный скептицизм по поводу его прожектёв, мы бы давно разорились.

После фиаско с третьей колбасной машиной желание иметь ещё какие-нибудь дела с французскими «партнёрами» пропало начисто. Но это у меня. Володю же манили заманчивые колбасно-паштетные перспективы. Поэтому, вопреки моему предложению, он всё же отдал французам оставшиеся от уплаты банковского долга доллары да присовокупил ещё свои в оплату следующей машины.

Такой поворот меня не устраивал. Я отказался от каких-либо денег и устранился от дальнейших контактов и с Володей Сафоновым, и с французскими кидалами. Кроме седых волос, возня с колбасой мне ничего не принесла. При этом я чувствовал себя почти счастливым: кредит-то всё же погасил, причём дал себе обещание больше никогда не ввязываться в подобные истории.

А Володя, как я потом слышал, взял ещё две машины с колбасой, а продать не сумел. Погорел сам, кинул банк, давший под эту колбасу кредит, и «обул» французов, пославших машины. Затем он строил грандиозные проекты по поставке в Россию нескольких сотен тысяч тонн мяса из Мадагаскара. Я настолько устал от его бесконечных рассуждений на эту тему, что до сих пор вздрагиваю при слове «Мадагаскар». Слава Богу, что всё это прошло мимо меня...

* * *

После колбасы было довольно много различных операций. Это и продажа кирпича из Белоруссии, и торговля фруктами, консервами. Каждая приносила неплохие доходы, которые я тут же вкладывал в следующее дело.

Пришлось поработать на рынке недвижимости. В числе учредителей агентства «Центральное» когда-то числилось и моё имя. Для меня работа там примечательна тем, что именно в этот период мне посчастливилось обрести прекрасного компаньона, единомышленника, друга, наконец.

Появление в моей жизни Бориса Криводубского похоже на подарок судьбы. Были до него другие компаньоны, с которыми мне пришлось расстаться. По разным причинам. Например, потому, что некоторым из них захотелось «лёгких» денег. До сих пор не понимаю, какой смысл красть, если можно честной работой заработать гораздо больше.

Я уже отчаялся найти человека, на которого смогу целиком положиться, доверить дело. Который мог бы стать надёжным, верным партнёром по бизнесу. И вот Борис. Работоспособный, абсолютно не амбициозный. Сначала он работал со мной на достаточно кабальных условиях. Но постепенно, благодаря своей работе и своему характеру, он, к удивлению многих, превратился в полноценного компаньона.

Мы всегда были разными, несмотря на то что родились в один день – 26 октября, и оба принадлежим к зодиакальному знаку Скорпион. Я вспыльчив, настырен, дерзок. Борис мягок, рассудителен, даже несколько флегматичен. Однако разница в характере и темпераменте не мешала нам, а наоборот – мы как бы дополняли друг друга. Я никогда не принимал решений, не посоветовавшись с Борисом, и он поступал точно так же. Словом, на настоящих «скорпионов в одной банке» мы совершенно не были похожи.

Интересно, что до нашего знакомства мы шли в жизни параллельными путями. После окончания военного училища он отслужил положенный срок и уволился из армии. Занялся коммерцией. Примерно в то же самое время, когда я фасовал пакетики с чаем, Борис занимался продажей сливочного масла.

Одна из его коммерческих идей достойна отдельного упоминания – как пример нестандартного мышления российского предпринимателя. Обнаружив в Белоруссии дешёвую сметану, Борис оптом закупил партию. Затем привёз домой и... залил в стиральную машину «Малютка». Можете смеяться, но после нескольких циклов взбивания в этом «ведре с мотором» получилось отличное сливочное масло. И у серпуховских покупателей оно имело неплохой спрос. Уверен, ни одному западному бизнесмену такое не под силу. Они никогда бы не догадались использовать таким образом бытовую технику.

Единственный, пожалуй, на то время недостаток Бориса – стремление приукрасить действительность. Однако и эта «юношеская» болезнь у него постепенно прошла. Я относился

к его недостаткам философски, идеальных людей не бывает. В остальном же мы отлично дополняли друг друга, всегда вместе, семьями встречали праздники, проводили выходные.

* * *

Андре Моруа говорил, что «бизнес – это сочетание войны и спорта». Очень точное определение. Для того чтобы заниматься бизнесом, особенно в России, нужно быть достаточно смелым человеком. Ведь если за рубежом бизнесмен сражается только с конкурентами, то российские предприниматели вынуждены воевать ещё и с государственной машиной, с общественным мнением. Представление о том, что продавать и наращивать капитал не очень почётное занятие, было живо в нашем обществе.

На вопросы безопасности бизнеса (и экономической, и физической) уходила большая часть предпринимательского времени. К безопасности я относил не только защиту от криминальных структур, но и от государственных организаций – санэпидемстанции, пожарной охраны, налоговой инспекции, полиции, милиции и т. д.

С утра до вечера вместо поисков экономической выгоды я занимался составлением планов по минимизации налогов, штрафов, написанием писем в различные инстанции, обсуждением планов по защите от вооружённого налёта экспедиторов и кассиров, проверкой честности самих кассиров и экспедиторов. Для западных бизнесменов такой режим работы просто немыслим, ненормален. Они вообще вряд ли поймут, как мы умудрялись вести дела, когда вместо работы целыми днями думали о том, как бы чего у нас не спёрли.

«СТМ» не была какой-то особо крупной компанией. Под её маркой мы занимались металлом, держали агентство недвижимости и ещё кое-что. В партнёрах у меня ходили бывшие курсанты военного училища. Насмотревшись на их стиль работы, я дал им кличку Масоны. Прилипла как родная.

Затеяли Масоны резать нержавейку на Байконуре. Идея в целом была вовсе неплоха. Договорились с начальством космодрома, с потенциальными покупателями лома, начали работать. Масонам же, как всегда, без приключений скучно. То таможню решили обойти, то пытались не расплатиться с поставщиком за металл. Решил для себя: я в такие игры не играю.

Договорились мирно. Мне – агентство недвижимости, Масонам – байконурский металл. Я доволен. Они тоже. Работали ребята, надо отдать им должное, упорно. По полгода в Казахстане жили, а подписывали-таки документы чуть ли не у самого Назарбаева. Набирали под будущие доходы долгов.

Отправили первые вагоны. Темпы операции слегка удручали: времени ушло много, а металла отправлено мало. И Масонам в голову пришла «мудрая» мысль – надуть байконурцев.

Дело в том, что большую часть денег они должны были заплатить по честному слову, а по официальным документам сумма проходила совсем незначительная. В итоге денег на Байконуре не увидели вообще – ни официальных, ни неофициальных. Плюс у Масонов «зависли» местные долги. Те, что под объёмы брали. «Обули» их.

Скверно было то, что часть денег им ссудили под мою гарантию. Как так получилось, сам не знаю. Может, под хорошее настроение попали? В общем, я дал отмашку, и Масонам выдали в долг приличную сумму.

Долг висел довольно долго. Масоны всячески выкручивались, приводили в своё оправдание тысячу причин. То металл получили не того качества и потому в прибыли обманулись, то ещё что-то. Особых способов воздействия на их совесть у меня не было. Пришлось поставить перед альтернативой: либо я выселяю их из офиса, либо они возвращают деньги. Угроза, конечно, так себе. И всерьёз испугать обманщиков не могла. Но всё же, на всякий случай, Масоны решили создать хотя бы видимость раскаяния.

Сделали они следующее. Составили кредитный договор, отнесли в банк. Я протезировал, и деньги им выдали. Можно бы и отправлять. Но нет. Потихоньку от меня Масоны договорились с одной из сотрудниц управления банка не проводить платёжку. Зарегистрировать, отштамповать, но не проводить. Та согласилась. Довольные выдумкой Масоны принесли мне платёжку и говорят, мол, переоформиай офис. Доверия к ним я особого не испытывал, поэтому решил проверить.

Пошёл в управление банка, поинтересовался – и получил уклончивый ответ: сведения не подлежат разглашению. Уже почти догадавшись, в чём дело, подошёл в операционном зале к знакомому кассиру и выяснил, что мои подозрения верны – деньги никуда не отправлены.

Знакомых в банке у меня хватало (уж сколько пришлось с ними работать!), поэтому спланировать и осуществить ответный удар не составило труда. Объяснил вкратце одной девчонке-оператору суть дела и попросил, в свою очередь, не исполнять устное распоряжение управления. Сделать вид, что забыла, и провести документ, как полагается. Получив согласие, отправился восвояси с сознанием выполненного долга.

На следующий день в мой кабинет ворвались Масоны. Боже, просто извержение Везувия! Выплёскивали на меня фонтаны слов, упрекали в нечестности, чуть ли не в драку лезли и требовали вернуть деньги.

– Какие деньги?! – изумился я довольно натурально.

Масоны просто вне себя от ярости:

– Как какие?! Те самые, что по платёжке ушли!

Всем своим видом я изобразил крайнее недоумение и вежливо поинтересовался:

– Разумеется, ушли. Вы же сами мне позавчера об этом сообщили... А разве что-нибудь случилось?

– Случилось – не то слово! – Масоны от огорчения уже не скрывали своих несостоявшихся замыслов. – Мы не собирались их отправлять. Договор не в счёт.

– Как же так? Позавчера вы сами показали платёжку, объявили, что деньги отправлены, и потребовали переоформления офиса. Поскольку моё условие соблюдено, офис на днях переформирую. Чем же вы недовольны? При чём здесь я?

Возразить на это Масоны ничего не могли. Прделанной операцией я остался весьма доволен. Совсем немногим удавалось, как мне, вытрясти из них кредиты. Заимодавцы до сих пор ожидают возвращения долгов. А дальше было ещё интереснее.

В один прекрасный день (а день был действительно хорош – лето) двери нашего офиса распахнулись, и в комнаты набилось какое-то безумное количество милиционеров. И в форме, и без. Московская прокуратура, «Петровка, 38» – от удостоверений рябило в глазах. Предъявили ордер на обыск. Что за дела?

– Вы Шестун?

– Я Шестун.

– Вагон из Байконура получали?

– Нет, не получал.

– А это чьи печать и подпись?

Присмотрелся – печать, действительно, наша. А вот подпись явно подделана. Постепенно начал понимать: Масоны, воспользовавшись тем, что наши фирмы обслуживал один и тот же бухгалтер, сляпали на «СТМ» какой-то липовый документик по байконурским делам. Нержавейку вывезли, а денег не заплатили. Имущество космодрома – имущество государства. А это уже посерьёзнее, чем долги коммерсантам.

– Так это вам не мы нужны, – любезно сообщил я визитёрам в погонах, – а наши соседи. У них фирма с похожим названием. И с Байконуром они работали.

– А где они?

– Позвольте, да вы же их только что в коридоре видели!

– ...

Немая сцена. Но рано я радовался.

– Александр Вячеславович, – самым дружеским голосом обратился ко мне один товарищ в штатском, – вот у нас тут на документе есть ваша печать – настоящая. Подпись тоже есть. Может быть, она и не ваша, но пока мы это не проверим, отпустить вас не сможем. Есть только один выход. Привезите нам настоящих виновников, и мы вас оставим в покое. У нас времени только до трёх ночи...

Спорить с подобной логикой очень трудно. Пришлось впрягаться в поимку беглецов. Позвонил их родственникам. Обрисовал ситуацию. Честно предупредил: мне в камеру вместо кого-то не хочется. Поэтому, если виновники сами не явятся, найду, свяжу и сдам с рук на руки силовикам. Другого выхода нет.

Угрозы подействовали, и Масоны сами заявили ко мне в половине третьего ночи. Нужно отдать должное бывшим компаньонам, отпираться не стали. С другой стороны, а как бы они смогли? Массу документов (в том числе таможенных) оформляли и лично подписывали.

Помимо этой кутерьмы с поимкой Масонов, я почти неделю (с перепугу, наверное) катал следователей на своей машине на различные экспертизы. Однако если вы думаете, что «СТМ» после блестяще проведённой мной поимки беглецов оставили в покое, то ошибаетесь. Все наши документы тщательно запаковали в картонные коробки и переправили в налоговую инспекцию. А там пришли в неопикуемый восторг. Ну как же, такие серьёзные конторы интересуются и такие интересные дела вскрываются! Перебрали всё наше бумажное хозяйство по листику. И нашли-таки, на чем подловить!

Чёрт его знает, как так вышло, но потерялись несколько накладных на белорусский кирпич. На три машины, если быть точным. Можно было их, конечно, продублировать. Послать кого-нибудь в Белоруссию и привезти копии. Однако меня не покидало ощущение, что от нас всё равно не отстанут. Найдём накладные, придумают ещё что-то. В общем, не стали мы суетиться. Записали эти потерянные накладные нам в сокрытые доходы, умножили на какие-то коэффициенты, чего-то там приплюсовали и выкатили сумму в триста миллионов рублей. Они могли с таким же успехом и триста миллиардов написать. Платить мы бы всё равно не стали. Гораздо проще было открыть новую фирму, чем сражаться с ветряными мельницами налоговой инспекции.

Собственно, так мы и сделали. Нас какое-то время пытались уговорить проплатить эти безумные штрафы, но, разумеется, безуспешно. Законы мы знали неплохо. Новое наше детище называлось почти так же – «Строительство. Технологии. Материалы». А Масонам как с гуся вода. На них ни одного штрафа не повесили, не говоря уж обо всём остальном...

* * *

Одно мгновение может изменить всю человеческую жизнь. После трагического случая с роковым выстрелом и гибелью одного из членов серпуховской группировки «Карандаши» (эта история подробно описана в первой части «Непокорного арестанта») я особенно остро чувствовал необходимость в грамотной юридической помощи. Хотя сначала у нас и мысли не было создавать юридическую консультацию. Потом, перепробовав массу претендентов на роль штатного юриста, поняли, что так дело не пойдёт.

Бывшие милиционеры, юристы-хозяйственники, специалисты по уголовному праву знали только свою часть акватории из необъятного моря российских законов. Нам же требовался специалист широкого профиля, каковым, по нашему мнению, является хороший адвокат. И к моему великому удивлению, оказалось, что хитрить могут не только строители-шабашники, но и адвокаты. Раньше эта профессия казалась мне чем-то сродни профессии хирурга, в том смысле что у специалиста нет права выполнить работу «на тройку». И честность должна

являться непременным атрибутом. Вот тогда и появилась идея сделать в «Бест-офисе» юридическую консультацию и пригласить туда хороших адвокатов. Мы даём им помещение, оргтехнику, телефоны – они работают. И населению польза, и у нас юрист всегда под боком.

«Бест-офис» представлял для меня меньший интерес, чем, например, магазин. И в материальном, и в моральном смысле. Это не предприятие, зарабатывающее деньги, это просто офис и всё. Самостоятельной деятельности он как таковой не вёл. Просто раньше мы ютились в одной комнатке магазина «Браво», а затем наш административный состав переселился в «Бест-офис». У нас с Борисом был не только магазин, но и ещё несколько предприятий, а ведение обширного списка дел требует, как минимум, наличия секретаря, архива документов, юриста. И разумеется, приемлемого по размерам помещения. Вот это и был «Бест-офис».

Посёлок Большевик, очевидно, не самое удобное место для юридической консультации. Даже если говорить только о Большевике, там живёт около пяти тысяч человек, да ещё через посёлок проходит оживлённая автотрасса.

Если проследить цепь коммерческих успехов и неудач, то у любого коммерсанта она будет представлять собой волнообразную линию-синусоиду. И чтобы увеличить период подъёма в бизнесе, всегда очень важно открыть что-то первым. Занять пустующую нишу. Если тебе не посчастливилось успеть к началу, считай, что ты опоздал – все «сливки» сняли без тебя. Так было с импортными товарами, так было с рынком недвижимости, примеров можно привести сотни. И ещё очень важно не опоздать уйти.

В своё время мы с Борисом, помимо агентства недвижимости, занимались и ценными бумагами. Достаточно успешно, надо сказать. В 97-м зловещее дыхание кризиса чувствовали уже довольно сильно. На курсе ценных бумаг это отражалось особенно заметно. Возможность обвала купленных нами акций мы предполагали, поэтому принимали меры и страховались. И вот в какой-то момент я понял: надо уходить. Как выяснилось потом, после «чёрного вторника», сделали мы этот ход очень вовремя. Решили, что пора куда-то вложить деньги – в производство или в магазин.

Сказано – сделано. В 97-м мы приобрели магазин. Если точнее, то развалины. Стёкла побиты, отопления нет, все стены обшарпаны. Обошёлся нам этот «сарай» довольно дорого... Да ещё вложили массу средств в ремонт, покупку оборудования, рекламу. Назвали магазин «Браво». Закупили строительные и отделочные материалы. Начали торговать в июле 98-го. А в августе разразился кризис. Для торговли начался мёртвый сезон. Почти полгода мы не могли ничего продать. Судьба посмеялась над нами. Люди думали совершенно о другом. В народе преобладали панические настроения. Да и к тому же материалы подешевели. Мы несли большие убытки, хотя понемногу всё же торговали. Начали завозить материалы, дело потихоньку сдвинулось с мёртвой точки, синусоида успеха опять пошла вверх.

Мне этот бизнес очень нравился. Вот, например, агентство недвижимости приятных эмоций не вызывало. Ну не лежала душа у меня к этой сфере деятельности. Торговля пищевыми продуктами (особенно колбасой) тоже энтузиазма не вызывала. Операции с ценными бумагами несколько лучше колбасы, но всё же не так интересны, как торговля стройматериалами. Я мог заниматься этой работой с утра до вечера.

Люди по-разному видят свою старость. Кто-то мечтает целиком посвятить себя садово-огородным работам. Кто-то спит и видит, как будет проводить дни на рыбалке. Моя мечта – иметь свой магазин отделочных материалов: у меня был бы небольшой дизайнерский штат, грамотные специалисты в области строительства, и я бы целыми днями помогал людям делать своё жильё светлым, уютным и красивым. Вот такая розовая идиллия. И по мере сил и возможностей я старался воплотить личные грёзы в суровую жизнь. Думаю, у меня получалось хорошо, по крайней мере наш магазин пользовался популярностью.

Между прочим, и внешний, и внутренний дизайн магазина, и вывеска на фасаде – воплощение моих идей. И коллективом я гордился, мне казалось, равного ему у нас в городе не было.

Мы вместе отмечали все праздники. Кроме того, у нас была особая дата – день рождения «Браво», когда мы все вместе выезжали на природу и целый день веселились. В один год нанимали теплоход, плавали по Оке, а потом разбивали на берегу лагерь и устраивали концерт. В другой год нанимали плавучий ресторан и гуляли там. Программу при этом старались максимально разнообразить: самодеятельные театральные постановки, конкурсы, праздник Нептуна, спортивные состязания – перетягивание каната, гонки на лодках. Всего и не перечислишь.

Ещё одна традиция праздника – всем, включая руководство, раздавали анкеты с номинациями: лучший работник, самый весёлый, самый вежливый, самый умный, самый хитрый, самый красивый... Каждый должен был присвоить одну из номинаций коллегам. Потом мы подсчитывали общее число голосов и самым-самым вручали призы. Весьма солидные, между прочим. Телевизоры, печи СВЧ, фотоаппараты...

Но, как это ни прискорбно, людей приходится наказывать. Раньше мы действовали либо методом убеждения, либо увольняли. Организовав магазин, поняли, что без системы штрафов не обойтись. У нас просто физически не хватало времени докапываться до совести каждого из сотрудников, хотя лично я предпочёл бы беседы во спасение души. Не люблю кого бы то ни было наказывать и очень тяжело это переживаю. Но, к сожалению, одними пряниками обойтись не получалось, приходилось применять и кнут.

Самое интересное, что наказания ввели чуть ли не «по просьбам трудящихся». Когда я пытался призвать к порядку кого-то, мне говорили:

– Не надо нас совестить. Вот ты напиши нам правила, и мы будем их выполнять. А кто не будет, вот того наказывай.

А некоторые говорили даже так:

– Если ты нас не будешь наказывать, то мы расслабимся и будем хуже работать. Тебя и нас нельзя сравнивать. Для тебя работа – главное в жизни. А для нас – нет. Вот и разница между нами.

Меня это очень удивляло, но в этом, видимо, был резон. И хотя среди сотрудников магазина было очень много трудолюбивых и сильных в своём деле специалистов, но всё же работа для них не цель жизни.

Меня удивляло отношение россиян к труду. Вернее, отсутствие стремления к нему вообще. У нас не пользовался почётом, да и не пользуется до сих пор настоящий профессионал своего дела. Швейцарский мебельщик бесконечно гордится своим ремеслом, секреты которого ему передали деды-прадеды. Он с упоением рассказывает о своей работе и уверен, что сыновья и внуки будут заниматься тем же. У него есть всё – стабильный доход, хороший дом, уважение сограждан. А у нас? Кто в почёте у нас? Кто строил в Москве в 90-е? На первом месте по количеству рабочих были турки, затем югославы, болгары, украинцы и только потом русские. Причём вряд ли эти русские были жителями столицы. Среднесдельная зарплата строителей тогда составляла около тысячи долларов. Казалось бы, зачем отдавать такую денежную работу иностранцам? Ведь тысячи москвичей трудились за гораздо меньшие суммы. Да потому, что нет среди них хороших плиточников, хороших шпаклёвщиков, хороших каменщиков и т. д. Вышибли у нас уважение к труду. И лозунгами его не воскресить. Чтобы научить россиян вновь уважать свою и чужую работу, нужна и до сих пор требуется нормальная налоговая политика, действующее законодательство, где было бы закреплено уважение к собственности. И лет двести в придачу для осознания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.